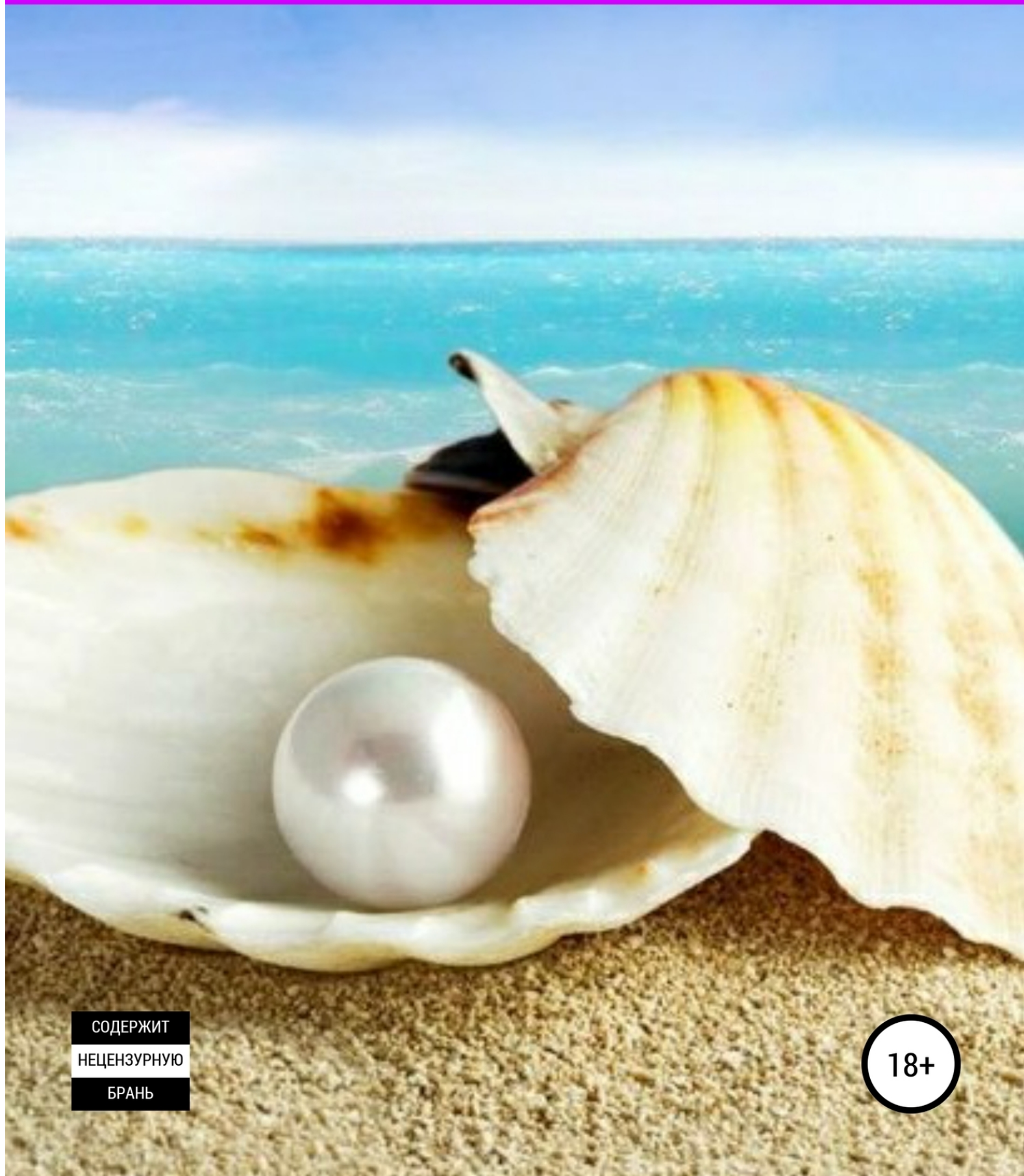

Константин Чубич
Жемчужина у моря

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Константин Чубич
Жемчужина у моря

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Чубич К.

Жемчужина у моря / К. Чубич — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Все конечно же помнят Остапа Ибрагимовича Бендера, красавца мужчину, великого комбинатора, а по совместительству отменного жулика. В «Двенадцати стульях» он погибает от рук Кисы Воробьянинова, но потом чудесным образом появляется на улицах славного города Арбатова, чтобы продолжить свои приключения. Было бы жалко с ним попрощаться ровно на том месте, где заканчивается «Золотой теленок», – на берегу пограничной реки, правда, с советской стороны. И это обнадеживает. Уже давно нет Советского Союза, но последователей у Остапа Ибрагимовича предостаточно, совсем как детей у лейтенанта Шмидта. Сударкин Владимир Константинович, он же Вениамин Бортник- Коновалов, он же Жульдя-Бандя, который, заметим, является внучатым племянником великого комбинатора, – один из них. Есть у него и свой Шура Балаганов, которого теперь зовут Фунтик. Та еще парочка, а действие, как водится, начинается в Одессе, где острят даже на похоронах. Содержит нецензурную брань. Содержит нецензурную брань.

© Чубич К., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1. Житница юмора	6
Глава 2. Странствующий бездельник, проездом из Самарканда	8
Глава 3. Знакомство с городом	9
Глава 4. Столовая № 5 железнодорожного ОРСа	12
Глава 5. Очередное знакомство с симпатичной лоточницей рядом с гостиницей «Аркадия»	16
Глава 6. Симпатичной лоточнице, в лице своего нового знакомого, удалось обзавестись ещё и личным целителем	20
Глава 7. Старость – не радость	22
Глава 8. Обнаруживаются и иные достоинства бродячего философа-абстракциониста	23
Глава 9. Покупка трусов для Сени	24
Глава 10. На пляже «Аркадия»	27
Глава 11. Наш герой устраивает инсценированный спектакль в кафе, на пляже «Аркадия»	29
Глава 12. Скоморох открывает «детский утренник» для тех, кому за 20	31
Глава 13. Постановка инсценированного спектакля «Никто не хотел умирать»	37
Глава 14. Одного из главных героев инсценированной постановки «Никто не хотел умирать» зрители чествуют как челюскинца	43
Глава 15. Гостиница «Аркадия» вдохнула возмутителя спокойствия в кафе на одноимённом пляже	45
Глава 16. Зародившаяся идея не оставляет в покое буйную натуру бродячего авантюриста	47
Глава 17. Жульдя-Бандя в каменных джунглях легендарной Одессы	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Константин Чубич

Жемчужина у моря

А знаете ли вы, что такое Одесса?

Нет, вы не знаете, что такое Одесса!

Л. Утёсов.

Глава 1. Житница юмора

Одесса – островок безудержного темперамента в океане пресной действительности! Одесса знает и ценит юмор. В Одессе острят все! Острят здесь по поводу и без повода, утром и вечером, в зной и стужу, хотя последняя стужа посетила Одессу в далёком 1929 году.

Острят в Одессе старики, дети и даже женщины. Шутки последних, заметим, как правило, заканчиваются беременностью под раскаты «похоронного» марша Мендельсона в одном из залов районного дворца бракосочетаний.

В Одессе острят везде: на митингах, манифестациях, партийных и комсомольских собраниях, как, впрочем, и на культовых мероприятиях – юбилеях и похоронах, где равнодушен лишь покойник, гранитно-серо-зелёным лицом подчёркивающий своё презрение к здравствующим.

На поминках Абрама Фельцмана – тостами, заклинаниями и водкой, не жалея пуха для его праха, – обустроивали последний приют. Кто-то из остряков пожелал Абраму всех «земных благ», а Наум Михайловский, таки – чтобы Всевышний изменил ему меру пресечения и в качестве исключения отправил грешника в рай.

Говорят, на заводе автоприцепов докладчик советовал послать в Кисловодск разобраться по поводу непоступивших санаторно-курортных путёвок председателя профкома или, на худой конец, инженера ПТБ Гаврилюка Ивана Тимофеевича, на что из зала последовала рекомендация: «А с худыми концами там делать нечего!»

Острят в житнице воспроизводства остряков – роддоме. Друзья соболезнуют папаше, у которого рождается четвёртый сын подряд: «Тебе бы девочку, Михалыч!» – на что не утративший чувства юмора моторист туристического теплохода «Ленинград», Михалыч, мечтательно вздыхает: «Лет семнадцати».

Острил врач городской клинической больницы № 1 на Мясоедовской, у которого больной выпрашивает дрожащим жалобным голосом: «Доктор, я буду жить?!» – «С таким диагнозом?! Какой смысл».

Острил хирург этой же больницы, которую горожане, кстати, называют еврейской, над распластанным, как селёдка, на операционном столе пациентом, беря в руки скальпель: «Ну что, будем оперировать или пусть живёт?!» Острил медсестра, на его же вопрос: «Какая температура тела больного?» – отвечая: «Какая, какая?! Комнатная». – «А давление?» – «Атмосферное».

В Одессе острят трамвайные кондуктора, богобоязненные старухи, убитые сединой герои труда. Острят хладнокровные и мужественные политики.

Так, например, агрессивно настроенная коммунистическая оппозиция, в демократических штормах утратившая своё абсолютное монаршество, на митинге, устроенном у подножия печально знаменитой Потёмкинской лестницы, выставила целую галерею транспарантов с душещипательными лозунгами. На одном из них угрожающая надпись жестоко предупреждала тех, у кого короткая политическая память: «Коммунисты были, коммунисты есть, коммунисты будут!»

Оставленное на ночь для запугивания мирного населения предостережение наутро явилось глазу в несколько отредактированном, по-видимому, каким-то диссидентом варианте, низвергнув глобальную идею. После чего лозунг обрёл совсем иное значение: «Коммунисты были, коммунисты есть, коммунисты будут есть!»

Острят в Одессе даже на партсобраниях, где остряки рискуют быть преданными политической анафеме. На сталепрокатном заводе имени Дзержинского на ошеломляющий вывод отпетого коммунистического пропагандиста, заявившего с трибуны: «Советский человек стал

жить лучше, товарищи», – один из «товарищей» негромко подредактировал: «африканской обезьяны».

Одессита можно узнать везде – в Сыктывкаре, на Сахалине, в Усть-Лабинске, на Ямайке, в Пуэрто-Рико, Барселоне. В Одессе его узнать сложнее. В Одессе он обезображен себе подобными.

Глава 2. Странствующий бездельник, поездом из Самарканда

Молодой человек ростом выше среднего, с голубыми, как черноморская, в десяти милях от берега, вода, глазами покинул душное купе поезда.

Он был рождён на свет Божий в весеннюю распутицу 1960 года от Рождества Христова. Его зубы ещё не познали дантиста, хотя сам он познал острые зубы Фемиды, однако не утратил при этом оптимизма. Все интересы странника начинались поисками хлеба насущного и заканчивались женщинами, правда, в последнем случае – уже обнажёнными, и не в музее, а в постели.

На перроне, вдохнув полной грудью прохладного весеннего воздуха, пропитанного солью, влагой и юмором, потревожил пальцами мочку уха, остановив взгляд на парочке щебечущих у колонны с капителью хохлушек. Одна из них, с цыганскими смоляными, ниспадающими на плечи волосами, несомненно, готова была разделить с ним своё ложе.

– Хав а ю? – приостановившись, вопрошал он, своим чистым голубым взором обняв обеих. Откровенно сказать, его познания в английском были в зачаточном состоянии. Девицы, явно из провинции, смысла не поняли, однако, обнаружив в этой лаконичной фразе что-то загадочное, а в её создателе – нечто странное, хихикнули и, не скрывая интереса, вперились в него, оценивая в качестве самца.

Бывший узник министерства путей сообщения моргнул той, что посимпатичней, с чёрными смоляными волосами, хотя подруга отнесла это только на свой счёт, и вразвалочку подался к выходу.

Высокая, худенькая, с короткими карамельного цвета волосами девица на мгновение задумалась, будто в попытке о чём-то вспомнить. Хитро улыбнувшись, небрежно, по-крестьянски двинула подругу локтем в бочину, повернув взор в сторону удаляющегося иностранца: «Це москаль, дура!»

– Щого? – черноволосая вопросительно повернула голову, слегка склонив её набок.

– Того, що москали, колы йидять кажуть: «Хаваю».

– Хаваю?!

– Так само, ще кажуть – жру.

– Як свини!

– А шо вин хавав?

– Може, мармулятку...

– А може, жуйку, – предположила высокая. Хохлушки рассмеялись, насыщая глупую атмосферу положительными зарядами.

– Одесса – цитадель остроумия, – выдвинул гипотезу отставной пассажир, сомнений которой та не вызывала.

Одесса приняла незваного гостя без колебаний. Втолкнула странника в поток повседневной жизни миллионного улья. Голова была пуста от грандиозных идей, ещё недавно терзавших мозг молодого повесы. Хотелось есть. И этот банальный вопрос сводил на нет прочие позывы организма.

Глава 3. Знакомство с городом

Итак, молодой человек на закате туманной юности осчастливил своим появлением Одессу-маму, состоящую в морганатическом браке с Ростовом-папой и пока ещё не подозревающую о грандиозности предстоящих событий.

Удачно сложенный, не обременённый жизненными проблемами мужчина, мощной грудью бесстрашно разверзая пространство, вторгся в обитель юмора, где легендарная Сонька – Золотая Ручка совершила свою последнюю гастроль.

Это был вид человека пронизательного, жизнелюбивого, способного одним только взглядом определить количество серого вещества в коре головного мозга оппонента. Всё в нём: незатейливая внешность, удачно сочетающаяся с благородными манерами, походка, голос с преобладающим низким тембром, бесшабашность, тонкий аналитический склад ума, безудержный темперамент, благополучно унаследованные от давно уже почившего деда – весельчака, бабника и балагура, – располагало к общению.

Одет он был просто. В гардероб входила голубая футболка с изображением оскалившейся в прыжке пумы, чёрные вельветовые брюки и белые кроссовки, скрывающие белые, несколькими днями ранее, носки. Постоянным атрибутом гостя был зелёного цвета чемоданчик-дипломат из крокодиловой кожи.

Молодой человек обладал необъяснимой способностью располагать к себе. Он, например, без труда мог убедить владельца крупного частного капитала в финансировании строительства горнолыжного комплекса в центре Каракумов, открытия молочно-товарной фермы в Ханты-Мансийске и даже еврейского кладбища в Иерусалиме.

И вот, наш неутомимый искатель приключений в городе своей мечты, житнице юмора – Одессе. В городе, пожалуй, единственном в мире, после Иерусалима, конечно же, жители которого недоумевают и по сей день: почему в других городах люди так искренне не любят евреев?! Судьба втолкнула его в этот неповторимый, неподражаемый, уникальный живой организм.

Бродячий скоморох, к своему стыду, здесь впервые. Однако он платонически влюблён в этот райский уголок...

Не успело человечество изобрести деньги, как оно стало перед проблемой – где взять?! Проблемы человечества не были чужды нашему герою. Его организм уже который час напрасно выделял желудочный сок. Дискомфорт в желудке вызывал дисгармонию в душе...

На привокзальной площади, которую одесские банщики (вокзальные воры) называют Причалом, а промежду таксистов она – Лагуна, молодой человек остановился. Безмолвная скульптура женщины с голубем в руках показалась ему достойной одного из московских вокзалов.

«В Одессе женщина должна была бы держать сковороду над головой поверженного мужчины», – подумал он и улыбнулся, на мгновение представив это. Он отдавал себе отчёт в том, что Одесса напрасно кормить не будет. Одесса кормит тех, кто ценит и уважает юмор.

Странник осмотрелся, выбирая маршрут. Прощальным взглядом окинул монументальное здание вокзала. С лёгкой иронией утвердил взгляд на голубе в холодных руках женского изваяния, символизирующем миролюбие советского народа, если исключить ядерный арсенал, способный трижды уничтожить всё живое на планете.

Фонтан бесцельно транжирил воду, обдавая свежестью утомлённых изнурительной поездкой пассажиров. Подгоняемый голодом путник заторопился было неизвестно куда, но тотчас сбавил шаг, утонув в прохладном полумраке подземного перехода. Вынырнув, оказался на Пушкинской улице. Могучие платаны и клёны плотной зелёной накидкой обнимали бульвары и скверы.

«Где-то здесь непременно должен быть Черноморский бульвар», – подумал он и у первого же попавшегося одессита спросил: «Скажите, пожалуйста, далеко ли Черноморский бульвар?» – «Нет, недалеко, – охотно откликнулся пожилой абориген. –

Два дня на оленях – там и рукой подать».

– Один – ноль, – отметил гость, себя же подбодрив: – Ничего, посмотрим, чей козырь старше!

Настроенный на мажорный лад, а грустить, заметим, не было предпосылок: солнышко своими нежными трепетными лучами обнимало одесситов, не брезгуя, впрочем, и суетливыми гостями из провинции и предместий, молодой человек, раздвигая широкой грудью глупую атмосферу, шёл на свидание с неизвестностью.

Приезжие, как правило, покушались добыть что-нибудь из «мэйд ин япан», джинсы «Монтана» или «Леви Штраусс» на барахолках портового города.

Он шествовал по широкой улице, напичканной магазинами, кафе, ломбардами, адвокатскими и нотариальными конторами, салонами красоты, газетными киосками, бутиками, агентствами по продаже недвижимости, экскурсионными бюро, словом, всем тем, что придумало мудрое человечество вскорости после того, как оно явило миру деньги с целью их же изъятия.

Недалеке образовалась пёстрая змейка сограждан, голова которой заползла в арку между старинными пятиэтажками. Змейка походила на огромного питона, коему сподобилось полакомиться человечиною. Название над аркой сохранило в себе только последние три буквы «...гия». Остальные, судя по свежим розовым пятнам на запылённой выцветшей серой стене, были украдены конкурентами либо вандалами.

«Очередь, – констатировал молодой человек, оперируя, вероятнее всего, чужой мыслью, – способ распределения материальных благ, оставшихся после распределения другими способами».

Он подошёл к высокой, с истекающим сроком годности даме в рыжем парике, завершающей змеиный хвост, состоящий почему-то из одних женщин. «По какому случаю очередь?» – весело вопрошал он, нисколько не сомневаясь в том, что понравился молоденькой стройной гречанке впереди неё.

Гречанка, улыбувшись, лисьим взором похотливой самки окинула приезжего, в чём не было ни малейшего сомнения, поскольку коренной одессит всё равно спросил бы как-нибудь иначе, например: «Зачем стоим?» – двусмысленно намекая не на материальную, а на принципиальную сторону вопроса. Либо: «Давно стоим?» – непременно получив ответ: – «А вам это нужно?»

«Солженицына выкинули», – ответила дама с родинкой над правой бровью, оставив на лице печать супруги, нашедшей наконец заначку благоверного. «Так его же выкинули ещё в семьдесят четвёртом... или семьдесят пятом», – усомнился в собственном ответе потенциальный обладатель творений заслуженного диссидента Советского Союза.

«Трёхтомник «Архипелаг ГУЛАГ», – гречанка подозрительно улыбулась и отвела взор, дабы приуменьшить величину подозрения, поскольку нашествие женщин было связано с очередным медосмотром на текстильном комбинате.

«Стало быть, очередь из женщин, приближённых к Солженицыну?» – коряво сострил молодой человек, утробно себя за это укоряя. «К гинекологу», – нашлась быстрее стоящая перед гречанкой шатенка с круглым ртом и пухлыми, выраженными ярко-красной помадой губами и, хихикнув, прикрыла их ладошкой, дабы скрыть щербатость верхних резцов.

Незнакомец улыбулся: «Шо там было, как ты спасся?!» (В. Высоцкий). Потом обратился почему-то к гречанке: «Девочки, я за вами!»

Растворившись в толпе, отсутствовал около получаса. Вернулся с каким-то «ботаником» без вредных привычек, без сомнения, «проглотившим» как минимум треть городской центральной библиотеки.

Тот был похож на рождественского херувима: какой-то нарядненький, в круглых очёчках, синей тройке, с начищенными до блеска чёрными туфлями, семинаристской мордашкой и невинными возрастными прыщичками на лице. Не было ни малейшего сомнения в том, что он не знал разговорного диалекта и не употреблял крылатых слов даже утробно...

К этому времени очередь существенно продвинулась, к тому же, незадолго, резвый пазик из фармакологического комбината «выплюнул» две дюжины своих сотрудниц, в связи с чем дама в рыжем парике оказалась третьей от заветных дверей благоустроенной коммунальной пещеры.

Молодой человек слегка приврал, к трём томам присовокупив ещё семь, отчего «буквоед» с лёгкостью расстался с червонцем, потом, посчитав величину вознаграждения мизерной относительно целого десятитомника отчаянно входившего в моду Солженицына, добавил пятёрку. Посчитав, что размениваться перед столь монументальным приобретением крайне неинтеллигентно, всё это вернул обратно, выдав четвертную.

Через некоторое время обманутый «ботаник», осознав свою оплошность, также скрылся и вернулся с высоким интеллигентом в белой сорочке, которому с успехом, правда, без навару, продал место, а с ним и несбыточную мечту каждого антисоветчика и диссидента – десятитомник Солженицына, который, оставаясь в полном здравии, к этому

времени корпел только над шестым.

Глава 4. Столовая № 5 железнодорожного ОРСа

Тем временем наш герой, пожиная первые плоды интеллектуальных дивидендов, оказался в общепитовской столовой третьей категории железнодорожного ОРСа.

– А вы не могли бы водрузить сюда котлету? – указуя на тарелку с источающей парок жареной картошкой, полюбопытствовал посетитель у молоденькой розовощёкой смазливой работницы общепита. Та хихикнула, поправляя:

– Это шницель.

Забавная надпись на колонне рядом со столиком окончательно развеселила искателя приключений, оставив на лице ветреного романтика широкую белозубую улыбку. Строгий меморандум сухо, жёстко и категорично предупреждал посетителей: «Руками и яйцами в солонку не лазить!!!»

Запив удобоваримое компотом с булкой, уходя, оставил комплимент русоволосой труженице орсовской столовой, с неприкрытым интересом разглядывая нескромный вырез белого снежного халата, подчёркивающего обворожительный бюст:

– У вас очень, очень вкусные булочки.

Хохлушка, без труда уловив метафору в словах незнакомца, сопровождающуюся пронзительным взглядом на своей груди, улыбнулась, казалось, даже приветствуя нахальство привлекательной наружности посетителя.

– И мягкие, – напомнила, не лишённая скромности и чувства юмора, служительница ОРСа. Тот, утопив ясные голубые глаза в карамельных очах девицы, вполголоса пропел лирическим мелодичным тенором:

– Гуд бай, май лав, гуд бай, – копируя легендарного Демиса Руссоса, после чего неохотно подался к выходу, не найдя достаточных оснований предложить ей романтическое путешествие на один из недавно приобретённых островов на Багамах.

– погоди, красавчик, – остановила единственного утреннего посетителя обладательница мягких «булочек». – Не откажи бедной женщине в невинной просьбе. У нас грузчик уже третий день празднует кончину тещи, нужно помочь принести со склада мешочек сахара.

– Помочь принести или принести? – уточнил претендент на должность временно исполняющего обязанности грузчика столовой № 5 железнодорожного ОРСа.

– Ну, принести, – виновато опустив створки глаз, удовлетворила далеко не праздное любопытство молодого человека девица.

– Ёк проблем.

– Это означает «да» или «нет»?

– Нет, ёк в переводе с узбекского на языки народов Латинской Армении означает «нет», стало быть – нет проблем, – увидев погрузневшие глаза работницы общепита, сообщил молодой востоковед, уточнив:

– А сколько в мешочке кил, если не секрет?

– Пятьдесят... всего.

– Всего пятьдесят?! Так это ж всего-навсего три пудика! – воскликнул он, явно не в восторге от столь заманчивого предложения. – А мне доктор больше ста граммов поднимать запретил.

Обладательница сочных, вкусных и мягких «булочек» улыбнулась и, проигнорировав запрет доктора, повела помощника по узкому тёмному коридору в подвал, оставив в одиночестве ехидно улыбающуюся подругу.

– Не заблудимся? – надеясь именно на это, вопрошал молодой человек, ведомый, как слепец поводырём, смазливой поварихой по лестничному маршу в преисподнюю, где крохотная

лампочка являлась единственным источником света. У искомой двери отперла ключом покоящийся на кованых петлях амбарный замок. Отворив, завела в чёрное, как смерть, помещение.

– Темно, как у негра в заднице, – констатировал молодой человек столь категорично, будто ему приходилось бывать там не единожды. Девица хихикнула, впервые услышав столь оригинальное сравнение. Не обронив ни слова, закрыла стонущую дверь. Подперев пышными ягодицами, преградила путь к отступлению. Опустилась на колени, будто вымаливающая прощение неверная супруга, бесцеремонно разверзнув молнию на брюках пленника.

Резким движением стащила штаны, следом трусы, рукою нащупав вздыбившийся член, против которого могла устоять разве что фригидная женщина, лесбиянка либо идейная комсомолка.

– Ого! – не скрывая удивления, воскликнула она. – Какой взрослый мальчик!

Темпераментная повариха сжала «мальчугана» в кулаке, перемещая руку туда-сюда, силою воображения примеряя на себя. Прекратив, погладила его по головке подушечкой указательного пальца, томно и натруженно заключив:

– Сла-а-вный мальчик!

– Только непослушный, – честно признался «папаша», не скрывая единственного недостатка своего «питомца». В следующее же мгновение женщина в белом, в темноте напоминающая ассистентку патологоанатома, как хищница, проглотила «мальчугана», по самое основание, утопив во рту.

Хозяин ощутил влажную тёплую скользкую слюну, а служительница чревоугодного заведения, не теряя ни секунды драгоценного времени, плотно сжав губы, творила минет с такой скоростью, словно на чемпионате мира по одной из новых легкоатлетических дисциплин спортивного единоборства.

Довольно скоро достигнув цели, она проглотила семя, тщательно высасывая из самых недр остатки. Потом, как ни в чём не бывало, поднялась. Отряхивая запылившиеся полы халата, дала понять, что сеанс интенсивной терапии окончен.

Обескураженный таким предисловием, в коем усматривался эпилог, и. о. грузчика, оценивший ручную транспортировку трёхпудового мешка сахара несколько дороже, в надежде удвоить оплату, сильными руками развернул девицу к себе задом. Попытался согнуть «раком», но та, с лёгкостью выкрутившись из цепких объятий, щёлкнула выключателем, озарив помещение лампочкой Ильича.

Свет, как всё чистое и светлое, низверг тьму, низвергнув и похотливые вожеления плоти. Грешница посмотрела на экс-любовника такими невинными и ясными глазами, будто перед этим они кушали мороженое:

– Всё! Хорошего понемножку, вдобавок, я мужу никогда не изменяю.

Молодой человек растянул губы, ни на секунду в этом не усомнившись.

– Выбирай любой! – указуя на штабель мешков с сахаром, предложила работница общепита, улыбаясь хитро и двусмысленно, что касалось, конечно же, трагически оборванного счастья. Она ни с того ни с сего расхохоталась, взирая на взрослого самца, вид которого более напоминал обиженного малыша, у которого строгая мамаша отняла сладкую вату на палочке.

Вдруг из её уст вырвался приглушенный крик ужаса, что, наложившись на смех, породило нечто похожее на клёкот. Грешница в одно мгновение запрыгнула на своего спасителя, обвив шею руками, скрестив на бёдрах ноги.

– Мышь, там мышь! – её глаза источали неподдельный страх и ужас, будто под ногами была гюрза или каракург. – Я бо-бо-боюсь.

Экс-любовник, к счастью, мышей боялся меньше, чем некогда свою первую учительницу – Марию Корнеевну, и позволил себе даже пошутить:

– Не надо делать из мыши культа!

Тело девицы, обмякшее от страха, трусилось, как осиновый лист, и спаситель вынужден был придерживать её руками за ягодички. Он почувствовал «дыхание» женской плоти и то, как средняя конечность не без основания вздыбилась, что наводило на далекие от милосердия и сострадания мысли.

Отнял правую руку, убедился, что усилия одной только левой достаточно для того, чтобы удерживать тело насмерть испуганной поварихи. Та – от страха быть съеденной озверевшей мышью, вполне этому способствовала.

Странствующий ловелас, слегка попуская левую, правой направил головку пениса между ног. Ею же сдвинул на сторону трусики, ощущая, как член погружается в горячую зовущую липкую женскую плоть.

Он делал это так аккуратно, ненавязчиво и медленно, что, как ему показалось, партнёрша поняла, что происходит, лишь на середине пути. Она дернулась, но, предвидя это, любовник обеими руками прижал к себе податливое тело и насадил на всю глубину так, что «застенчивая» работница общепита забыла не только о мыши, но и о муже, который, матросом на рыболовном траулере, четвёртый месяц бороздил необъятные просторы Охотского и Берингова морей.

Молодой человек, развернувшись на четверть оборота, подпер спиной девицы дверь продуктового склада, руками удерживая её за ноги, согнутые в коленях, что значительно облегчало задачу, предотвращая малейшие попытки вырваться.

Впрочем, девица, впившись губами в губы партнёра, вырваться уже и не помышляла, интенсивным движением бёдер подтверждая своё желание поскорее достичь вожаемого оргазма.

Гастролирующий Казанова стал качать вперёд-назад, безвозвратно истребляя калории. Он безжалостно натягивал на себя податливое тело. Громкие пощёчины ягодичек о низ живота хронометрически отмеряли каждое движение.

Грешница застонала в предвкушении высшей точки блаженства. При каждом толчке грудь вздрагивала, как осыпающиеся груши. После глубокого протяжного выдоха её тело обмякло, стало безвольным, извещая о случившемся оргазме.

– Так, всё! – через четверть минуты вдруг всполошилась работница общепита, дав понять, что закончена уже и вторая часть акта.

– Тебя как звать-то, герой?! Меня – Жанна.

– Стюардесса по имени Жанна?!

– Повариха! – с гордостью поправила несостоявшаяся стюардесса, намекая на то, что всякие возвышенные чувства разобьются вдребезги о пустой желудок.

– Вольдемар, – представился теперь уже бывший незнакомец, утративший инкогнито, что претит жизненному кредо странствующих ловеласов. Жанна напрочь забыла про мышшь, как, впрочем, и та о ней, и попробовала даже шутить:

– У нас будет девочка.

– У вас! – благородно отказываясь от опеки в предстоящей старости в пользу матери, известил потенциальный папаша и как-то неестественно быстро засобирился, будто опасаясь быть пленённым с целью выполнения отцовских обязанностей.

– Как – ты отказываешься от девочки?! – с притворным удивлением, словно тот отказывался от Нобелевской премии, вопрошала потенциальная мамаша.

– Я до последней минуты буду помнить о вас! – торжественно пообещал молодой человек, направляясь к выходу.

– А сахар?! – удивлённо напомнила об основной цели его прихода ветреная труженица железнодорожной столовой. – Ты забыл, зачем пришёл. Воспользовался доверчивостью беззащитной девушки, изнасиловал...

– Пардон, – запротестовал обвиняемый, имея на сей счёт противоположную точку зрения, – неизвестно ещё, кто кого изнасиловал! Заманила, понимаешь, в подвал, надругалась

в извращённой форме. Он водрузил на плечо трёхпудовый чувал с сахаром, направляясь к выходу.

– Всё равно тебе придётся на мне жениться! – с категоричностью, не принимающей возражения, накинув амбарный замок, заявила смазливая повариха, причём это сказано было настолько серьёзно, что пахивало шантажом третьей степени.

– Что-то вы слишком быстро управились, – встретила, не скрывая сарказма, рыжая кассирша, измученная любопытством по поводу десятиминутного отсутствия подруги с симпатичным незнакомцем.

– Мышь ловили.

– Вдвоём?! – кассирша хихикнула, растянув рот как минимум на треть больше номинального размера.

– Втроём, – соврала Жанна, указывая грузчику в правый угол, где уже покоился мешок с мукой. – Спасибо. Кушать захочешь – заходи. Ты настоящий друг индейцев! – вынесла окончательный вердикт темпераментная повариха.

Беззаботным козликотом скатившись по лестнице, окрылённый столь удачным началом черноморского вояжа, наш герой, игриво мотыля дипломатом из крокодиловой кожи, утонул в людском муравейнике, пополнив статистическую единицу гостей города.

Он был сыт и доволен. Благодарил судьбу и Вседержителя за проявленную к нему благосклонность, не ведая о том, что в этом поспособствовал скорее сатана, коему и требовалось бы воздать в полночь на кладбище хотя бы кровью невинного лягушонка.

Душа ветреного ловеласа пела и плясала. Он готов был пожертвовать миллион в Организацию Объединённых Наций, жаль только, не хватало самой малости – 999 тысяч 997 рублей 17 копеек. Желая хоть как-то отблагодарить этот мир за прекрасное настроение, подал руку выходящей из трамвая симпатичной женщине, не удостоив, правда, этой чести старуху, с трудом передвигающую ноги.

Ему безудержно захотелось жить, хотя это странное чувство не покидало его и в худшие времена. В Одессе эти чувства обостряются, принимая хроническую форму. Видимо, поэтому в Одессе, в отличие от других городов мира, люди по собственному желанию уходят из жизни крайне редко.

Шаг молодого повесы сменился рысью, рысь – галопом, и он полетел. Он летел в мечтах и наяву. В этот момент он мог рассмешить царевну Несмеяну, победить Змея Горыныча и даже вступить в общество трезвости, не гарантируя, правда, этому самому обществу подобающей прилежности.

Глава 5. Очередное знакомство с симпатичной лоточницей рядом с гостиницей «Аркадия»

Он пролетал мимо административных зданий, магазинов, кафе, аптек, коих было так много, что создавалось впечатление, будто люди рождаются только для того, чтобы до самой смерти болеть. В тени каштанов, в сапожной мастерской, молодой курчавый армянин открыл свой крохотный, но чрезвычайно успешный бизнес.

Тут взгляд молодого человека остановился на привлекательной особе неподалёку от гостиницы «Аркадия», торгующей с лотка промтоварной всячиной. Приземлившись, он осмотрел место происшествия. Решил начать фундаментальное знакомство с достопримечательностями города именно отсюда.

Неприступно-целомудренный взор симпатичной лоточницы можно было бы оценить фразой, по словам очевидцев, организованной над воротами ада: «Оставь надежду всяк сюда входящий!»

– Но ничего – не в таких переплётах бывали! – подбодрил себя окрылённый сердцецед, настроившись на интеллектуальное сражение, в котором противник в лице привлекательной одесситки, без сомнения, был обречён на поражение.

Он подошёл, улыбнулся и стал смотреть преданно, как корова на хозяина, в изумрудные очи незнакомки, пронизывая насквозь, казалось бы, всю её, без остатка. Ясные очи извергали полное равнодушие, с которым нынче доктор осматривает глупого пациента, уповающего на магические свойства страхового медицинского полиса.

Безмолвная борьба взглядов продолжалась несколько секунд. Первой не выдержала противостояния лоточница:

– Что сказать хошь, аль попросить об чём?

– Сволочь красная...

Молоденькая симпатичная аборигенка удивлённо захлопала ресницами, искренне поражаясь тому, что пришелец с документальной точностью завершил фразу из исторического фильма о классовом противоборстве большевиков и белогвардейцев.

– А ты не одессит, – не сомневаясь в этом нисколько, с лёгким оттенком пренебрежения удивила своей пронизательностью незнакомка.

– С прискорбием вынужден признать обвинение. Я из Соединённых Штатов... Армении, проездом в Самарканд. Одесса, как это ни печально, – пришелец выгнул губы, сдвинул брови, слегка наклонив голову, отчего печаль получилась какая-то не очень печальная, – до нынешнего времени не имела удовольствия купаться в лучах моей гениальности.

– Та боже ж мой, – согласилась лоточница, искренне в этом сомневаясь. – А ты скромненький по годам.

– Если бы моя бедная мама обладала этими качествами, то я искренне сомневаюсь в том, что ваша кроткая натура, – незнакомец обвёл профиль лоточницы похотливым вопиющим взглядом, более пристальное внимание останавливая на интимных местах, – смогла бы услаждаться столь совершенными атлетическими формами.

– Мама дорогая! И этот напичканный анаболиками бубль-гум претендует на совершенные формы?!

– А гора интеллекта?! – молодой человек указал в верхнюю часть тела, в коей находилось его хранилище. – А мощнейший темперамент?! – он отряхнул с гольфика пыль, явно намекая, что темперамент скрывается за ширинкой брюк. – К тому же я ещё немножко... философ. Он стыдливо уронил глаза, будто он немножко педераст.

– Ты братъ что-нибудь будешь, философ?

Покупателю польстило, что в нём уже признали мыслителя, к тому же он в этом никогда не сомневался, но поскольку покупать ничего не собирался, по причине

отсутствия денег, то ему ничего не оставалось, как, собственно, философствовать.

– Вопрос, конечно, интересный, – слукавил он, не находя в нём ничего интересного. –

А что у вас, извиняюсь, есть?

Лоточница улыбнулась, игриво сверкая зелёными глазками:

– Вопрос, конечно, интересный. А что вам нужно?

– Шампунь... яичный.

– Остался только для головы, – растянув губы, ловко отпарировала та, постукивая мякушкой указующего перста по подбородку.

– А трусы, трусы у вас есть?

– У меня? – беззастенчиво-удивлённо вопрошала промтоварная королева. – Конечно, есть.

– А мужские? – покупатель победоносно воззрился в её малахитовые глазки, готовый сиюсекундно контратаковать.

– Я мужскими не пользуюсь.

– А я пользуюсь, – честно признался покупатель, в чём не было ни малейшего сомнения.

– Выбирайте, – продавщица, ухмыляясь, переместила взор на левый край лотка, на котором покоилось несколько стопок разноцветных пролетарских трусов с объединяющим названием «Семейные».

– Это не трусы. Это парашюты для тех, кому за пятьдесят, – молодой человек презрительно сморщился. – Мечта десантника. Если не раскрылся запасной парашют... – он хихикнул, вспомнив, что в детстве, отрочестве и юности пользовался исключительно «мечтой десантника». – А крем для кожи с омолаживающим эффектом?

– Пожалуйста, прекрасный крем для кожи, – женщина протянула тюбик с кремом. – Три рубля сорок восемь копеек, – вынесла она смертельный приговор, поскольку молодой философ, как и все мыслители, был богат лишь интеллектуально.

В наличии остались только неконвертируемые медяки, и возникла угроза предстать перед очаровательной одесситочкой несостоятельным. Молодой повеса остался бездвижен, как памятник, в безнадёжной попытке найти оправдание своей бедности.

Немного сконфузившись, как комсомола пред тем, как впервые отдался соратнику по партии, принял тюбик с кремом, читая: «Крем омолаживающий с прополисом». Повод отказать был более чем убедительный:

– А у меня на прополис с детства аллергия.

Дабы перевести тему, он изъял с лотка рулон входящей в моду туалетной бумаги, пришедшей на смену газетам и календарикам с 365 страничками, которые были более удобны тем, что, кроме своего основного назначения, являлись ещё и источником информации.

– Никак не могу понять, почему два одинаковых рулона с двойной разницей в цене?

– Потому что розовая – лучшего качества, трёхслойная, более нежная, для лиц с изысканным вкусом.

– Относительно лиц посмею с вами не согласиться, – не без основания возразил покупатель, разумея, что туалетная бумага предназначена для иных частей тела.

– Ну, это и дураку понятно, что не для лиц, – загадочно улыбаясь, выказала несогласие с собственными выводами лоточница.

Дабы ещё дальше увести от малейшей возможности покуситься на оставшиеся неполные три рубля, молодой человек снова вперился в изумрудные глаза незнакомки:

– А как зовут это прекрасное неземное создание?

– Виолетта, – протягивая «лапку», представилась польщённая столь оригинальным комплиментом молодая женщина.

– Виолетта, Виолетта, я люблю тебя за это, – принимая хрупкую, с тонкими музыкальными пальчиками конечность, обернул в поэтическую форму обыкновенное женское имя любвеобильный покупатель, представляясь: – Бортник-Коновалов.

– Бортник-Коновалов?! Оригинально.

– Именно-с. Бортник – моя девичья фамилия. А зовут Вениамин. В детстве меня звали Жульдя-Бандя, – молодой паяц соврал относительно детства, поскольку так звали его и поныне.

– Жульдя-Бандя?! Это за что ж такие почести? – лоточница, улыбаясь, сверкнула игристыми глазками. Медного цвета пышные длинные волосы ниспадали на хрупкие плечи. Она была смугла – то ли от южного солнца, то ли от принадлежности родителей к грузинам или абхазцам.

– В детстве я не отличался скромностью...

– Это качество тебе удалось успешно сохранить, как тебя там – Жундя-Бальдя?! – лоточница хихикнула, сознавая, что несколько подысказила имя своего нового знакомого.

– Жульдя-Бандя, – поправил тот, нисколько не огорчившись по этому поводу. Молодой человек взял в руки гипсового шимпанзе с прорезью в темечке.

– Оригинальная копилочка, – он хитро улыбнулся, что предполагало рождение глубокой мысли. – Задумывалась ли ты когда-нибудь над тем, почему любимым занятием человека является наблюдение за обезьянами?

Виолетте это никогда не приходило в голову, но во время своего последнего посещения зоопарка, в Киеве, они с подружкой около полутора часов провели у вольера с потешными беспокойными макаками. Лоточница, пожав плечиками, озорными глазками окинула своего нового знакомого:

– Никак не возьму в толк, чем может заниматься столь незаурядная личность, если исключить философские начинания? – она вопросительно скруглила тонкие линии бровей, не сомневаясь нисколько в том, что ответ будет туманный и завуалированно-витиеватый.

Молодой человек, дабы не разрушать этих самых сомнений, начал именно с того, что пыталась исключить медноволосая работница прилавка.

– Исключить из меня философские начинания – это всё равно, что разлучить сиамских близнецов. Философ – это эгоистичный индивидуалист. Каждый, с целью выделиться среди серой невзрачной массы, пытается нарядить свои изречения, как рождественскую ёлку, не всегда понимая того, что обывателю понятны эта лживая спесь и самовоспевание.

– Чем ты сейчас и занимаешься, – нечаянно подметила собеседница.

– Виолетта, я тебе как брату скажу: я тружусь на ниве философского абстракционизма! – философ-абстракционист натрудил лицо мудростью, чтобы отвергнуть малейшие подозрения в обратном.

– Что-то я раньше о таком течении в философии не слышала, – удивилась Виолетта, закончившая три курса филологического факультета Киевского государственного университета.

– Ничего удивительного, – успокоил мыслитель. – Я стою у истоков этого нового течения в философии – философского абстракционизма.

– Пионер?

– Если не сказать больше – октябрёнок.

– Вам при жизни памятник воздвигнут рукотворный, – проникнувшись уважением к, несомненно, выдающейся личности, перешла на «вы» лоточница, уточнив и его месторасположение, – на Дерибасовской.

– Я согласен и на площади Ленина.

– Рядом с Лениным?!

– Вместо Ленина.

– Ну, ты хам!

– Что в переводе с английского на языки народов Латинской Армении означает – вред, вредить, – не растерялся герой-любовник, нахально остановив взгляд на разрезе халата работницы прилавка, который не был вульгарным, но и чрезмерно скромным его назвать было бы невежливо.

– И что ты там увидел для своей философской абстракции? – организовав на лице улыбку, полюбопытствовала Виолетта, съедаемая лёгкой степенью сомнениями.

– Я увидел там то, что увидел друг моего несостоявшегося детства Альберт Рацимор у подруги своего состоявшегося детства Серафимы Мирзу. Трудное детство – деревянные игрушки, – пояснил Жульдя-Бандя, встретив сочувственный относительно несостоявшегося детства взгляд лоточницы. – Несчастный и по сей день носит почётное звание отца-героина. Бедняга истлел, выращивая себе подобных. У него развился обширный склероз, а склероз, как известно, вылечить нельзя...

– Зато о нём можно забыть, – Виолетта хихикнула, довольная собственным заключением.

– В этом его преимущество перед диареей, – выдвинул железный аргумент собеседник. Лоточница засмеялась, сотрясая хрупкими плечиками.

Молодой человек, представившийся столь странным именем – Жульдя-Бандя, дождавшись, когда эмоции его новой знакомой несколько поутихнут, поведал о дальнейшей судьбе друга своего так и не случившегося детства – Альберта Рацимора.

– Сейчас бедный Альберт в казённом доме воспитывает кукол и ловит рыбу ивовым прутом... в... – он замешкался в поисках оригинального места, – в унитазе.

– И много налаживает? – с трудом подавляя смех, поинтересовалась Виолетта, играя игривой зеленью глаз.

– Не признаётся.

– Не хо... не хо... – смех душил её, мешая говорить. – Не хочет вы-выдавать рыбные места?!

– Не может. Он о них забывает. Что-то с памятью моей стало... – прозвучал мягкий мелодичный, без признаков фальши тенор ухажёра.

– О боже, боже, неужель, – дама артистично сложила на груди руки, – Карузо сладостная трель! А может, ты сошедший с небес Марио Ланца?!

Обвиняемый кивнул, не исключая такого момента.

– Да нет же! Передо мною восходящая оперная звезда – Дмитрий Хворостовский! Какая удача!

Абстракционист улыбался, наслаждаясь своей популярностью у одной из представительниц нежной половины человечества.

Глава 6. Симпатичной лоточнице, в лице своего нового знакомого, удалось обзавестись ещё и личным целителем

– Признаться честно, я дипломированный экстрасенс, целитель и магистр белой магии. Окончил московскую школу по подготовке экстрасенсов, – открылся профессиональный экстрасенс, если исключить, что школа была передвижная, обучение проходило экспресс-методом, а диплом выдавался на четвёртый день обучения, – после трёх полуторачасовых занятий.

– Мама дорогая! Поём, философствуем и колдуем?!

– Исцеляем, – поправил целитель, а с тем, чтобы рассеять сомнения, вынул из дипломата, в синем переплёте, корочку, высокопарно названную её обладателем «дипломом». – Могу и тебя исцелить...

– Прямо здесь?!

– Здесь не получится. Исцеление – это таинство, а всякое таинство происходит в закрытом пространстве с ограничением естественного источника света.

Лоточница понимающе кивнула, пронизав хитрым зелёным взглядом профессионального экстрасенса, который, сказать откровенно, больше походил на обыкновенного мошенника. Она растворила диплом, читая вслух:

– Сударкин Владимир Константинович. Веня, а как насчёт Бортника-Коновалова?!

– Ничего удивительного. – Это мой психдоним. Все великие люди скрываются под психдонимами: Ульянов-Ленин, Джугашвили-Сталин, Бронштейн-Троцкий, Певзнер-Белостоцкая.

– Белостоцкая – Певзнер?! – лоточница вопросительно подняла глаза с тою степенью удивления, будто звезда эстрады в свободное время подрабатывала лифтьером в ЖКХ. – А я думала – она русская.

– Юлия Гросс, моя одноклассница, тоже думала, что её папа лётчик-испытатель, а тот был простым налётчиком и банально погиб в перестрелке, когда они брали отделение сбербанка в Армавире.

Медноволосая работница прилавка, возвращая, цвета морской волны, корочку её владельцу, брезгливо подметила:

– В Одессе, на «Приводе», за пару червонцев тебя сделают депутатом Верховного совета, а за две четвертных – Папой Римским.

Молодой человек напустил на себя серьёзности, таинственности и величавости, как всякий целитель пред тем, как облапошить очередного легковерного соотечественника:

– Я кровью, потом и врождённым талантом проникать в грешные души граждан...

– И гражданок?!

– И гражданок, – согласился тот, – заработал этот диплом.

Он поцеловал кормилицу в синюю глянцевою спинку, на миг утонув в воспоминаниях о том, как в подмосковном Серпухове, объявив себя одновременно внуком болгарской ясновидящей Ванги и сыном Мессинга, устраивал целительные спектакли, ни на йоту не отходя от постановки фильма «Праздник святого Йоргена». Заметим, что по теории вероятности Жульдя-Бандя мог быть сыном Мессинга и внуком Ванги примерно один к ста миллионам.

К слову сказать, в качестве внука он больше подходил Мессингу, если учесть, что тот был старше Ванги почти на четверть века и зачать нашего целителя мог разве что в семидесятилетнем возрасте...

Найдя эту тему злободневной для каждого мало-мальски уважающего себя философа и дабы подчеркнуть свою принадлежность к этому утончённому жанру, странствующий бездель-

ник напустил на себя мудрости, что, откровенно говоря, очень плохо сочеталось с его возрастом.

– Болезни, неразделённая любовь, кредиты и угрызения совести поразили современное общество. Поэтому люди вынуждены обращаться за помощью к нам, экстрасенсам, народным целителям, колдунам и ворожеям.

– Меня лично, – Виолетта обозначила себя пальчиком, – не поразили, разве что кредит на стиральную машину, но я погашаю вовремя.

– Кредит – одна из форм финансового порабощения человека! – философ-абстракционист придал указующему персту восклицательное положение. – Разница между человеком и крупным рогатым скотом в том, что с последнего снимают одну шкуру, а с человека кредиторы снимают три.

Лоточница хихикнула, в этой части трактата соглашаясь с молодым человеком полностью.

– А вдруг завтра ваше акционерное общество с неограниченной безответственностью закроют. Сокращение! Платить станет нечем, и начнутся угрызения...

– Не начнутся! – категорично заверила медноволосая работница прилавка.

– Когда придут судебные приставы – начнутся! – не сдавался оппонент.

– Не начнутся.

– Ближе к старости всё равно начнутся. Когда ты станешь упрекать себя в том, что отбила мужа у лучшей подруги...

Собеседница защёлкала ресницами, отчего её изумрудные глазки заморгали, как предупреждающий сигнал светофора:

– Во-первых – не мужа, а жениха, а во-вторых, мужа впоследствии как раз таки отбила у меня она. Ну да бог с ней. Поначалу я его ненавидела всеми фибрами души, но потом улеглось...

– И я его просто презираю, – подсказал молодой человек.

Глава 7. Старость – не радость

Тут диалог разрушила вынырнувшая из подземного перехода старуха, своей старушечьей сущностью выявляющая потребность всюду гадить. Взгляд лоточницы переместился на это полуразвалившееся существо.

«Старая карга», – утробно обвинил соотечественницу в долголетию Жульдя-Бандя.

Пожилая дама, как и все престарелые люди, ни в чём, кроме смерти, не нуждающиеся, сначала проявила интерес к омолаживающему крему для лица.

– Не поможет, – протягивая тюбик с кремом, подумала Виолетта, с трудом сокрывая сарказм. – Крем от морщин – три рубля двадцать копеек.

– Тебе бы, старая, озаботиться поиском уютного, с солнечной стороны, места на кладбище, – не без основания решил оптимистично настроенный молодой человек.

Старуха, в здравом уме и с ясной памятью, соотнесла стоимость крема и стоимость одного килограмма мойвы, коей она могла побаловать себя на остатки пенсии. Помимо неё, с её денежным пособием сожительствовали ещё и дочь с зятем и двадцатилетним внуком, которые на её пенсию могли побаловать себя шашлычками из баранины или свинины...

Выходило полтора килограмма мойвы, чем пожертвовать, даже ради омоложения, пожилая одесситка была не в силах.

Потом она проявила интерес к носкам. Самые дешёвые тянули на 650 граммов мойвы, и та решила, что экономнее будет поставить латки на протёртые. Бубновый интерес старуха завершила тапочками. Услужливый молодой человек с удовольствием помог ей сделать правильный выбор, предложив белые, поскольку те наиболее удачно гармонировали с её возрастом.

Старуха, изжившая в себе способность воспринимать юмор, долго вертела тапочки в руках, в надежде отыскать какой-нибудь изъян, с тем, чтобы претендовать на скидку, и даже померила их, но брать, естественно, не стала. Она потелепала прочь, навеяв на странствующего ловеласа поэтическую музу:

– Старушка медленной стопой подалась прочь, к едрёной Фене. – Жульдя-Бандя бросил сочувственный взгляд в сторону удаляющейся пожилой соотечественницы. – Старость – это когда ты представляешь из себя большой, но изрядно потрёпанный энциклопедический словарь, и когда каждый очередной шаг сопровождается стоном, хрустом костей и междометиями.

Глава 8. Обнаруживаются и иные достоинства бродячего философа-абстракциониста

– Так ты, вдобавок ко всему, ещё и поэт?! – съязвила Виолетта, удивлённо подняв тонко выщипанные чёрные бровки.

– Творю-с в свободное от работы время, – раскрыл свой плотный творческий график стихотворец.

– Так значит, ты у нас, помимо прочего, – философ-абстракционист, певец, поэт, экстрасекс, – медноволосая улыбнулась, удачно перепеленав одно из достоинств странствующего ловеласа. – Бабник, – она заглянула в его родниковые очи, в которых за лживой пеленой невинного безразличия угадывалось плотоядие. – Без сомнения, ещё и артист... народный...

– Пока только застуженный, – поскромничал тот, стыдливо захлопнув веки, потом, расворив, добавил: – Застуженный мастер с понтом и трижды орденпросец.

Виолетта хихикнула, впервые взирая на настоящего орденпросца:

– Ты, наверняка, ещё и доктор каких-нибудь наук?!

Жульдя-Бандя покрутил головой:

– Нам чужого не надо.

Собеседница вдруг стала серьёзной, как иракский посол в США, вручающий орден Дружбы народов Бушу-младшему:

– А может, ещё и лауреат?..

– Шнобелевской премии, – признал за собой, пожалуй, главный свой титул почётный орденпросец.

– Мама дорогая! Куда я попала? Трижды орденпросец, шнобелевский лауреат, застуженный спортсмен....

– Мастер с понтом, – поправил отъявленный орденпросец, стараясь сохранить присущую всем почётным орденпросцам скромность.

– Лауреат шно-шнобелевской премии, к тому же ещё и застуженный... – с трудом выговаривала зеленоглазая под натиском душившего смеха.

«Так смеяться может только та женщина, которая ради меня согласна на развод», – решил искушённый в этих вопросах бродячий ловелас, не ведая о том, что ради такого ослепительного кавалера Виолетта была согласна на развод тремя годами ранее.

Чувство гордости переполняло душу странствующего бездельника, и он не мог, оставаясь рабом собственных амбиций, не выплеснуть их наружу.

– Скажу по секрету – я гениальная личность! – руководствуясь многолетними за собой наблюдениями, заявил заслуженный шарлатан. – Но об этом, пока, кроме меня... и теперь уже зеленоглазой красавицы, никто не знает.

– Ге-генитальная! – с трудом справляясь с эмоциями, заключила, основываясь на собственном опыте, лоточница.

Глава 9. Покупка трусов для Сени

Совместное веселье, однако, было нарушено среднего возраста супружеской парой, которая не выказала претензий ни к чему, кроме мужских трусов. Впрочем, невысокого роста, лысый, с жизнеутверждающим животиком пессимист, подавленный супружеством и супругою, в частности, не проявлял интереса и к ним. На лице его прочитывалась открытая форма инфантильности.

Супругу звали Мирослава. Она была огромная, как большой энциклопедический словарь, с внушительной круглой, как астраханский арбуз, головой, утвердившейся на исходящей от плеч, как у племенного бугая, шее. Она была суровая и властная, как боярыня Морозова, и не имела ничего общего со своим именем.

Узурпировав власть в доме, она считала стирать своё бельё ниже собственного достоинства, поэтому сие вменялось в обязанности мужу – Семёну, у которого любая из форм достоинства отсутствовала.

Сению иногда посещала шальная мысль. Он краешком сознания понимал, что в заключении, при безупречном поведении, у него был бы шанс на условно-досрочное освобождение, чего не скажешь о пожизненном семейном рабстве...

– ...Хэ бэ? – ткнув пальцем в стопку мужского нижнего белья, лаконично вопрошала шкафоподобная спутница, устремив взор на лоточницу.

– Стопроцентный хлопок, – перевела на бытовой язык Виолетта.

– Какие будем брать? – прикладывая к поясу мужа «семейные» трусы, поочередно: то в горошек, то в цветочек, то красные, то голубые, то оранжевые, интересовалась супруга.

Благодарный безразлично пожал плечами, кинув края губ к правому уху. Откровенно говоря, ему на это было глубоко наплевать, к тому же – из многолетнего опыта семейной жизни он знал, что мнение супруги будет диаметрально противоположным.

– Шо ты молчишь, как рыба об лёд?! – беззлобно пожурела мужа шкафоподобная, продолжая примерку.

– Ну, вот эти, – лысый равнодушными поросычьими глазками посмотрел на супругу, робко ткнув пухлым коротким пальцем в стопку трусов в горошек.

Та приложила к поясу суженого зелёные в коричневый горошек трусы:

– Сеня, не делай мне весело. Ты в них, как клоун Андрюша... с московского цирка. Шо ты кидаешь брови на лоб?! – предупредила несмелую попытку мужа обидеться благоверная, грозно нахмурив густые всклокоченные, не знавшие «прополки» брови.

Виолетта хихикнула от столь оригинального сравнения.

– Ну, тогда эти, – лысый указал на стопку трусов в цветочек.

– Эти?! Сеня, для за чем у тебя глаза спереди, а не сзади? – покупательница, на всякий случай, приложила к поясу супружника трусы в цветочек, крутя головой. – Эти, как клумба. Так на клумбе ж должно шо-то расти!

Виолетта прыснула, прикрывая ротик ладошкой.

Сеня покраснел, но мужественно промолчал, к тому же разные весовые категории не давали ему ни малейшего шанса на возражение. Жюльдя-Бандя улыбался, упиваясь уникальным одесским наречием.

Аборигенка приложила к поясу мужа голубые трусы, потом красные, снова голубые. Покрутила головой, дескать, голубые идут вразрез с его ориентацией, хотя, возможно, у неё были более приземлённые мотивы.

В очередной раз, приложив зелёные в коричневый горошек, супруга вынесла окончательный приговор, который обжалованию не подлежал, как, впрочем, и предыдущие:

– Вот эти тебе к лицу.

– Подлецу всё к лицу, – равнодушно согласился толстячок, ничуть не отягощённый приговором.

– Сеня, замолчи свой рот! – благоверная, как всякая вполне состоявшаяся эгоистка и мужененавистница, сурово посмотрела на суженого, который позволил себе разевать пасть без спроса. – Не тошни мне на нервы, а то останешься как есть.

Человека с повышенным воображением капли выступившей на Сениной лысине испарины убедили бы в том, что голова от обиды и безысходности плачет.

– Шо за трусы?! – обратилась она к лоточнице, вынимая из сумки кошелёк. – Пять рублей?! Ви хорошо хотите, – она протянула трусы обратно, другую рукой суя червонец. – Эти берите взад, а дайте две пары..красных. Глубокое вам мерси.

Жульдя-Бандя, насильственно удерживающий себя от комментария, всё же не смог не проникнуть в диалог супругов:

– Вы в них как герой Перекопа!

Аборигенка хихикнула от столь тонкого и удачного сравнения:

– Осталось купить будёновку и шашку.

Толстячок, улыбнувшись, удовлетворительно кивнул, подразумевая, что для защиты от такой стервы шашка не помешала бы.

– Десять пар! – грозно, как «десять лет!» от окружного судьи, объявила шкафоподобная.

– А на шо мне десять пар?! – попытался оспорить приговор Сеня, зная наверняка, что пересмотра не будет.

Покупательница воинственно определила руки на своих жирных бёдрах:

– А ты шо – помирать собрался?! – она, ужалив ядовитым взглядом своего житейского спутника, угрожающе сморщила лоб, давая понять, что у того нету права и на это.

– А шо я тебе, как тореадор, всё время буду в красных трусах? – на всякий случай, пропищал супруг.

– Сеня, не бери меня за здесь! – сурово предупредила покупательница, что означало завершение прения сторон и то, что «свобода слова» – один из основополагающих столпов демократии – может проявляться, как и во всей России, только утробно...

Сеня пригорюнился, взирая на то, как жена укладывает в сумку партию красных пролетарских трусов, в одних из которых, без сомнения, его и похоронят.

– Ну, шо ты стоишь, как сирота казанская?! – шкафоподобная сгребла инфантильного мужа под руку, растворившись с ним в бурлящей людской каше...

Не имея больше достаточных оснований отвлекать девушку от работы, бродячий философ-абстракционист со словами:

– Жди меня, и я вернусь, – сделал несмелую попытку покинуть место приземления, но был пленён лоточницей.

Она придержала его за руку и, изобразив трагическое, как по усопшему коту, лицо, спросила:

– Хоть каплю жалости храня – вы не оставите меня! (А. Пушкин)

Потом, на клочке бумаги оставив запись карандашом – «Суворова 13/29», протянула манускрипт так и не состоявшемуся покупателю со словами:

– Я живу одна. Будет желание – заходи.

– На это я пойтить не могу! – темпераментный воздыхатель артистично отобразил сие руками, копируя Папанова в роли Сени из легендарной «Бриллиантовой руки». – Я должен предупредить Михал... Иваныча.

– До встречи... кто ты там у нас... – застуженный артист?

– Этот листик был с Востока в сад мой скромный занесён! (И. Гёте) – принимая огрызок бумаги, прокомментировал невинное на первый взгляд событие бродячий шарлатан.

Напоследок, как галантный кавалер, не без удовольствия облобызав ручку лоточницы, заверил:

– Если только жив я буду, чудный остров навещу (А. Пушкин).

– А ты шо, помирать собрался? – играя кошачьими глазками, словами шкафоподобной вопрошала Виолетта.

– А где гарантия, что пролетающий мимо метеорит не заинтересуется моей кроткой гениальной личностью?

С этим кроткая «генитальная личность» (как ранее подметила промтоварная королева) уверенным шагом двинулась в направлении побережья.

Запах моря и чарующая неизвестность увлекали в свои объятия.

– Чудеса в решете, – думал странствующий женолюб, – красивая и умная. В одном лице два взаимоисключающих начала. Придётся, наверное, ей всё-таки отдаться.

Глава 10. На пляже «Аркадия»

Тёплый ветерок делающей свои предсмертные вздохи весны настолько отчётливо доносил шум прибоя, что казалось, будто море было уже под ногами. Вода манила ветреного повесу, вероятно оттого, что по гороскопу он был не человеком вовсе, а рыбой.

– Отдыхающие, – думал он, – гораздо легче расстаются с деньгами, нежели мирное население. Да за этим, собственно, они сюда и приезжают.

Вскоре бескрайняя синь Чёрного моря представилась его взору. Редкие, с просинью, тучки на небе, как нарисованные, будто изображали зверушек. Зверушки медленно и безвозвратно уплывали куда-то в Турцию. Исключить, однако, того, что тучки направлялись на Балканы, в Болгарию, к Золотым Пескам Варны, было бы большим невежеством.

Море, нежной ленивой волной утюжа бархатный песок, оставляло после каждой встречи с берегом длинную белую извилистую полосу пены, взбитую из воды и соли, не предоставляя потенциальным утопленникам повода для беспокойства.

Шурша, как мыши в лабазе, несмелые волны прибоя ложились на песчаный берег. Светло-рыжие песчинки плясали, потревоженные робкой волной, глупо и бесполезно перекачиваясь друг через дружку.

Безбрежная синяя гладь простиралась, казалось, в никуда. Неуклюжие теплоходы, мерно покачиваясь, уносили куда-то вдаль: жаждущих, страждущих, молодых и старых, любящих и ненавидящих, словом, всех, связавших, вольно или невольно, свою судьбу с морем.

Ближе к берегу, как в луже воробы, барахтались моторные лодки, насмерть пугая отчаянных ранних пловцов.

Вода ещё не прогрелась под щадящими лучами солнца, поэтому желающих купаться было немного. Однако ж предынфарктное состояние умирающей весны ощущалось на каждом шагу. Лето отчаянно порывалось царствовать на планете Земля и в Одессе, в частности.

Основную массу отдыхающих составляли сердечники и неврастеники, находящиеся на излечении в курортной поликлинике. Они загорали тут и там, обнажив свои нежные, отбелённые за зиму животики, нахально используя в своих личных целях тепло, присылаемое на Землю далёкой сердобольной крохотной звездой.

Жульдя-Бандя, коему не чужды были чаяния народа, решил позагорать немного, чтобы потом, с новыми силами, приступить к поиску хлеба насущного. Раздевшись до пояса, он распластался на лежаке, предоставив своё, вовсе не безобразное тело вольному ветру, ясному солнцу и, конечно же, Вседержителю.

Рядом, на лодочной станции, хриплый голос с явным грузинским акцентом через рупор зывал отдыхающих в морское путешествие:

– Гражданэ отдыхающие! Для тэх, кто хочет совершить морской круиз, предоставляется бистроходный глиссэр «Чэрноморэц». Лубитэлэй экстрэмального отдыха ожидают катэра с опытными пилотами и водные лижи. Лубитэлям спокойного отдыха ми можем прэдоложить катамараны и снаряжение для подводной охоты.

– И тут не обошлось без фамильярности, – отметил бродячий интеллектуал. – Не могли назвать этот чёртов глиссер как-нибудь более приземлённо, например «Юпитер» или... «Титаник», – он улыбнулся, понимая, что «Титаник», без сомнения, ожидало бы коммерческое банкротство.

– Совэршив полуторачасовой круиз на глиссэре «Чэрноморэц», ви получите полное удвлэтворэние! – торжественно пообещал таинственный голос с грузинским акцентом.

К пирсу, с правой стороны которого был пришвартован изрядно потрёпанный «Черноморэц», потянулся отходящий от зимней спячки народ. Основную массу составляли почему-то женщины, причём, бальзаковского возраста.

По берегу, ведомый на поводке шустрой макакой, бродил одинокий фотограф, в безнадёжной попытке кого-нибудь увековечить и, соответственно, улучшить своё финансовое состояние. Фотограф был с явно выраженными признаками восточного происхождения.

– Калмыцкая рожа, – беззлобно, без признаков шовинизма, разве что с лёгким оттенком национализма, признал в фотографe представителя национального меньшинства отдыхающий, хотя тот был таким же калмыком, как он камчадалом.

Фотограф был корейцем и с калмыком мог иметь сходство лишь по религиозному признаку.

– Не желаете запечатлеть свою фигуру на фоне моря, с обезьянкой? – на идеальном русском предложил фотограф, впрочем, ни на что не рассчитывая.

– Ты которую имеешь в виду? – отдыхающий обвёл смешливым взглядом, сначала обезьянку, потом то, что из этого сделала природа.

Фотограф хихикнул, легкомысленно приняв остряка за одессита. Оставаться в долгу, однако, он не имел ни малейшего желания, решив сделать бартер: обменять моральные увечья на физические.

– Фердинанд, фас! – скомандовал он и отпустил поводок, указывая рукой в сторону обидчика.

Макака подбежала к лежаку с противником, повернулась задом, нагнулась, и зашлёпала руками по красным блинам, выказывая высшую степень презрения. Потом, выглядывая между ног, застучала зубами, запищала, загигикала и принялась, выгребая из-под себя песок, забрасывать противника.

Жульдя-Бандя поднял руки, принимая любые условия капитуляции.

– Фердинанд, фу! – скомандовал фотограф, после чего макака в три прыжка очутилась у него на плече...

Понежившись, какое-то время, на пляжном лежаке, искатель приключений, не находя более в этом пустом занятии удовлетворения собственных амбиций, отправился на продолжение экскурсии по легендарному городу.

Глава 11. Наш герой устраивает инсценированный спектакль в кафе, на пляже «Аркадия»

Метрах в пятистах, неподалёку от троллейбусной остановки, его внимание привлекло небольшое уютное летнее кафе. Судя по ассортименту продуктов, в коем одних вин – полтора-два десятка, не считая осетрины, говяжьего языка и, естественно, домашней украинской колбаски, кафе не отказывало в приюте даже простому директору городской муниципальной бани.

Впрочем, в основном кафе «питалось» за счёт набегов отдыхающих здравниц, уставших от систематических процедур и диетического послушания. Не отказало оно в приюте и нашему герою.

Однако доктрина всеобщего коммунистического рая пока оставалась только на страницах пожелтевших рукописей Маркса, Энгельса и Ленина, к чьим трудам, возможно, ещё вернётся глупое человечество. Приют был платным. Внезапно серое вещество «взбунтовалось» в голове бродячего интеллектуала, а сердце забилося с удвоенной силой.

«Уставший от пресной действительности и от повседневных забот народ нуждается в тебе! – ревел внутренний голос. – Ему нужны твой темперамент, азарт, оптимизм...» – внутренний голос захлёбывался от нахлынувших чувств, не в состоянии подобрать достойных и нужных слов.

«Ты великий артист! Ты не сможешь безучастно взирать, как люди, твои соотечественники, как это неорганизованное стадо обжирается, забывая о том, что существует пища духовная, коею «я» смогу накормить сколько угодно народу, и что великие артисты, как, впрочем, и посредственные, тоже хотят есть! – жонглировал местоимениями внутренний голос. – Духовная пища, – кричал он, – гораздо важнее этих проклятых калорий, превращающих человека в свинью!»

В углу кафе, за сдвинутыми столиками, веселилась подвыпившая компания молодых людей. Основную массу посетителей, как, собственно, и всё человечество, составляли болящие.

«В концертном зале свободных мест нет, – окинув взглядом площадку, отметил Жульдя-Бандя и с энтузиазмом патологоанатома, за которого никто не сделает его грязную работу, добавил вслух, подбадривая самого себя. – Ну-с, приступим!»

Подойдя к невысокой изгороди, молодой человек легко перемахнул через неё, очутившись внутри, тем самым уже привлекая внимание общественности к своей незаурядной персоне.

«Войти в дверь и дурак сумеет, – вполне логично заключил он, – но великие артисты себе такой роскоши позволить не могут».

Странствующий скоморох подошёл к столику посередине кафе, за которым преогромный толстяк, по всей вероятности, из «сердечников», наполнял брюхо бутербродами из ветчины, с сыром и шпротами, упокоившимися на мягкой перине из коровьего масла.

Хитрые англосаксы, водрузив сверху ещё один кусок хлеба, обозвали сие сэндвичем. А простодыра Иван кличет – «сэмдвич», придав блюду политической окраски.

Для улучшения пищеварения «гиппопотам», коим толстяк стал с лёгкой руки странного посетителя, дебютировавшего в питейном заведении, периодически развлекал пищу коньяком, имея на это полное конституционное и моральное право.

Преследуемый любопытными взглядами, молодой человек прислонил к ножке стула дипломат, конфисковал у представителя африканской фауны недопитую рюмку, бесцеремонно

вылил содержимое в рот, чем несколько удивил окружающих и обескуражил владельца крепкого виноградного напитка.

Оторопевший толстяк открыл было рот, чтобы выразить негодование и, возможно, даже личное презрение дерзкому нахалу, но тот не стал дожидаться в свою сторону нелестных эпитетов.

Он весело, громко, азартно, выделяя каждое слово, как заправский столичный аукционист, приглашённый на ВДНХ для продажи отечественных свиноматок папуа-новогвинейским фермерам, начал:

– Леди энд джентльмены!. Господа аборигены, эмигранты и гости нашей великолепной Одессы-мамы!..

Дамочка справа, через столик, вероятно, склонная к эмиграции на Святую землю, хихикнула.

– Дорогие граждане и старушки!.– кричал, нарушая девственную тишину, первозданность и размеренное течение ни в чём не повинного кафе на пляже «Аркадия» свалившийся, как снег на голову, странный тип.

Возмутитель спокойствия, как отъявленный конферансье, сделал паузу, оценивая реакцию посетителей. Реакция была неоднозначной. Молодые женщины, возраст которых был далёк от точки невозврата, премоило улыбались, теряясь в догадках по поводу развития дальнейших событий, выказывая полное согласие с программой. Одна из них узнала в молодом человеке артиста областной филармонии.

Пожилые же, с истёкшим или истекающим сроком годности, не собираясь пока и в ближайшем будущем записывать себя в разряд старушек, сидели, набычась, готовые, казалось, расплакаться от захлестнувшей ностальгии по безвременно ушедшей и безвозвратно утраченной молодости. Они исподлобья поглядывали на нарушителя спокойствия.

Мужчинам, независимо от возраста, даже тем, кто по причине неоправданной скромности не успел подтвердить это звание, вступление понравилось. Возможно, потому, что быть в плеяде эмигрантов или джентльменов куда престижнее, нежели состоять в неперспективном сообществе «граждан и старушек».

Подвыпившая компания молодых людей за сдвинутыми столиками, из представителей обоих полов, что-то бурно обсуждала. Они устремили взоры в сторону артиста, к коему, по их мнению, должны будут «пришвартоваться» остальные.

Кто-то из них высказал предположение, что это самая что ни есть настоящая предвыборная агитация и что молодая поросль новоявленных демократов, посредством артистов, будет безжалостно топтать коммунистов, наяривая на балалайке, спрятанной в дипломате, злободневные политические частушки.

Жульдя-Бандя одарил присутствующих щедрой улыбкой.

Глава 12. Скоморох открывает «детский утренник» для тех, кому за 20

– Просю внимания, господа! – потребовал он. – Просю детский утренник для тех, кому за двадцать, считать открытым! Проголосуем, граждане! – предложил артист. – Кто за... кто против... кто воздержался?!

Возмутитель спокойствия обвёл присутствующих умиленным взглядом и, подойдя к юной дамочке, не пожелавшей участвовать в этой пустой бессмысленной комедии, публично указал на отказницу жестом:

– Воздержалась бабушка...

– Она уже вторую неделю воздерживается! – открыл секрет сидящий с ней за одним столиком паренёк, по-видимому, владеющий относительно этого исчерпывающей информацией, за что получил крепкую заслуженную оплеуху.

И снова публика встретила улыбку ведущего. Он отметил, что «старушки» приободрились, виновато-простодушными взглядами пытаясь реабилитироваться за столь поспешное недоверие к представителю оригинального жанра.

«Утренник на начальном этапе, кажется, пришёлся детишкам по вкусу!» – решил он.

Изъял с ближайшего столика початую бутылку «Сангрии». Наполнив конфискованную здесь же рюмку, «родил» тост, в котором удачное «соитие» юмора и классики подтверждало его полномочия:

– За здоровье тех, кому оно не повредит! За ваше здоровье, дамы и господа!..

Он бесстрашно, одним глотком, опустошил сосуд, ловя на себе любопытные взгляды присутствующих, съедаемых догадками о дальнейшем сценарии.

Лёгкий алкогольный напиток проник в кровь, что сняло последние нити скованности перед публикой, которую необходимо было заставить полюбить себя раз и навсегда, причём с первого взгляда.

«Я загоню вас под столы и стулья! Смеяться запрещено. Разрешено только ржать, хохотать и рыдать! И вы будете делать это. Я заставлю вас!» – утробно ревела окрылённая вниманием, по большей части, нежной половины, душа конферансье.

Плоть, однако, вела себя несколько сдержаннее.

«Живым не уйдёт никто! Отсюда будут выползать с разорванными в клочья животами. Возможно, будут случаи со смертельным исходом, но уголовный кодекс покамест не предусмотрел за это ответственности».

На лице возмутителя спокойствия отпечаталась добродушная улыбка, являющая собой доброжелательное отношение к тем, кому в ближайшее же время предстояло переместиться под столы и стулья. Он решил немного разбавить детское мероприятие бульварным жанром.

– А сейчас, господа присяжные заседатели, – анекдот! – воскликнул артист, объяв «заседателей» открытой честной улыбкой законопослушного гражданина. – Закончилась официальная часть встречи на высшем уровне в Рейкьявике президентов США и СэСэСэра. Первая политическая оттепель после более чем тридцатилетней холодной войны. Вечером, после многотрудных переговоров, в тёплой дружеской обстановке, под бутылочку «Столичной»...

Толстяк, ставший первой жертвой возмутителя спокойствия, обозначил это, щёлкнув ногтем среднего пальца под основание нижней челюсти. Он уже не помнил нанесённую ему материальную обиду.

– ...вожди решили немного поразвлечься. Рейган предложил Горбачеву составить дружеский шарж. Условились, дабы не превращать искусство в пошлятину, давая повод политическим амбициям возобладать над хрупким миром, ниже пояса не рисовать. Конферансье, как

строгий папаша, указывающий дочери величину диапазона притязаний со стороны воздыхателей, ребром ладони начертал на поясе линию, ниже которой дипломатические отношения начинают принимать иную форму. Через время заокеанский вождь бледнолицых был изображён на листе бумаги с одним ухом чрезмерно маленьким, а другим – огромным, как у слона. Артист начертал в воздухе круг, обозначающий орган слуха последнего.

«Вы, господин президент, маленьким ухом слушаете народ, а большим – сенат», – пояснил Горбачёв переводчику, обнажив смысл своего рисунка.

«Ес, ес», – улыбаясь, поблагодарил Рейган своего политического оппонента за остроумие и представил свой шарж, на котором социалистический лидер был изображён с одной грудью ма-а-а-ленькой, а с другой – огромной, как у Клавдии Шифер.

Обнаружилось лёгкое оживление, виновниками которого были представители сильной половины.

«Большой грудью, – поясняет Рейган, – вы кормите Москву, а маленькой – московскую область».

«А страну?!» – недоумевает Горбачёв.

«Мы же договорились – ниже пояса не рисовать».

Дружный смех соотечественников заполнил доселе неприметное кафе на пляже «Аркадия». Реакция подопечных придавала сил, возбуждая артистическую страсть.

Тут Жульдя-Бандя обнаружил, что у входа в нерешительности топчется посетитель, полагая, видимо, что кафе арендовано для проведения какого-либо мероприятия.

– Заходи, дорогой, – гостем будешь! – любезно кланяясь, жестом пригласил он посетителя разделить радость бытия.

– Пузырь поставишь – хозяином! – закончил мужской голос за спиной.

– А мы гостей не ждали! – пропищала девица, разделявшая радость бытия с подругой.

Конферансье, довольный высокой гражданской активностью своих питомцев, снизошёл до роли официанта, проводив гостя к столику.

Он вспомнил старый, но незаслуженно забытый анекдот, коим и решил продолжить своё выступление.

«Вовочка, кем ты хочешь стать?» – спрашивает Мария Ивановна пятиклассника Вовочку.

«Сексопатологом», – отвечает Вовочка.

Жульдя-Бандя обвёл присутствующих радужным взглядом.

«А ты знаешь, что это такое?» – удивилась учительница.

«Конечно, знаю. Вот, например, стоят три женщины и кушают мороженое: одна кусает, другая лижет, а третья сосёт. Какая из них замужем?!»

«Наверное, третья», – подумав, отвечает Мария Ивановна.

Рассказчик сделал паузу, не сомневаясь в том, что в аудитории возможны другие мнения. Тема, в лучах зарождающейся на планете сексуальной революции, оказалась более чем востребована. Особенно усердствовала подвыпившая молодёжь за сдвинутыми столиками, громко выкрикивая версии, наверняка основанные на собственном опыте.

Слабая половина, в основной своей массе, склонялась ко второй, сильная – к третьей, и только толстяк, придерживающийся консервативных взглядов, лениво прошамкал: «Которая кусает!»

«Неправильно», – сказал Вовочка.

Конферансье загадочной улыбкой обнял питомцев.

«Замужем та, у которой на правой руке обручальное кольцо».

– А вот с такими, как вы, – он вонзил указательный палец в сторону молодёжи за сдвинутыми столиками, – я и буду работать.

Видя живой интерес общественности к оригинальному жанру, артист решил очередным анекдотом завершить первый акт программы политического надругательства над вдыхающей последние глотки социалистического воздуха коммунистической партией.

– Социолог задаёт вопрос политикам, – продолжил Жульдя-Бандя: «Где бы вы хотели видеть своих избирателей?» – «На избирательных участках». Этот же вопрос он задает избирателям: «Где бы вы хотели видеть своих политиков?» – «В гробу, в белых тапках!»

Реакция подопечных на этот раз была более сдержанной, если исключить толстяка, который цвёл, как майская роза, отчего его круглый рот растянулся так, что, казалось, губы покушаются съесть собственные уши.

«Перекормил», – упрекнул себя в излишнем политиканстве Жульдя-Бандя и, решив, что на утреннике непременно должны быть детские загадки, громогласно объявил:

– А теперь, дорогие детки, поищем отгадки на дядины загадки!

При слове «детки» представительницы прекрасного пола бальзаковского возраста, коих в кафе было так мало, что их впору вписывать в Красную книгу, помолодели, расслабились, залившись тихим минорным лаем, вернее всего, позабыв о своих довольно скверных перспективах на будущее.

Молодые дамы, вкусившие прелести жизни, в разряд детишек попадать категорически не желали, но шутку приняли. Мужчинам было всё равно, поскольку основное внимание они концентрировали на спиртном.

– Итак, ребяташки, – заискивающим голоском музыкального работника детского сада продолжал артист. – Загадка первая. Эта загадка с географическим уклоном. Название какого города состоит из двух частей: первая – то, без чего человек не может жить, вторая – что приносит людям покой?

– Житомир! – радостно, с нескрываемой гордостью, воскликнула дамочка в оранжевом платье, с длинной косой. Она была родом из Гадзинки, близ Житомира, и с трепетным благоговением относилась к отчим краям.

– Правиль...

– Херсон!!! – машинально выкрикнула слегка подзахмелевшая рыжая девица из компании за сдвинутыми столиками, вероятно, из Херсона, и с тем, чтобы увековечить себя в глазах добродушных посетителей кафе, помахала ручкой.

Конферансье, в порывах демократических веяний западных ветров, в качестве третьей стороны выбрал народ. Все, в том числе и житомирянка из Гадзинки, единодушно приняли в качестве лучшего ответа всё же Херсон...

– Будьте внимательны и осторожны! Все загадки из детского еженедельника «Мурзилка», – предупредил Жульдя-Бандя.

Он обратил внимание на то, что персонал кафе, во главе с заведующей, сгрудившись возле прилавка, что-то бурно обсуждал. Вероятнее всего, предметом дискуссии была его скромная гениальная личность.

– Предупреждаю, что самых смыслёных ждёт приз! Туда, сюда, обратно – тебе и мне приятно.

Не дожидаясь ответа, конферансье подошёл к столику, за которым вдовствовала девица: курносенькая, с коротко стриженными, под мальчишку, волосами и светленькой, не познавшей загара мордашкой.

– Давайте попросим девочку разгадать загадку!

Он учтиво наклонился к покрывшейся лёгким стыдливым румянцем половозрелой девчушке, ожидая ответа, но та молчала, конечно же, зная его, при этом лишь двусмысленно улыбалась.

– Малышка знает, но сказать не может, стесняется.

Взрыв хохота, в коем главенствовали представители слабого пола, по причине их сексуального большинства, обрушился на восточную сторону пляжа «Аркадия». Бродячий арлекин возрадовался после позорной дисквалификации за политический анекдот.

– А теперь спросим мальчика! – Жульдя-Бандя наклонился к пареньку с едва пробивающимися чёрными усиками, рядом с которым находилась девица много старше, с причёской, как у Анджелы Дэвис, явно искушённая в интимных делах. Издалека можно было бы подумать, что у неё вместо головы шар.

Чуть помедлив, конферансье выпрямился:

– Неправильно!

После этого он таким таинственным, но понимающим взглядом обвёл посетителей, что смысл сказанного ни у кого не вызывал сомнений. Пробежав глазами площадку, Жульдя-Бандя нашёл, пожалуй, самую зрелую «девчушку», подошёл к ней:

– Пускай девочка разгадает загадку!

«Девчушка» что-то промяукала, после чего артист объявил, разделяя по слогам:

– Со-вер-шен-но правильно. Это качели! Как зовут малышку?! Наташа?! – удивлённо переспросил ведущий, будто та представилась Сальмонеллой. – Вот и прекрасно! Угостим Наташу лимонадом!

Он бесцеремонно изъясил с ближайшего стола, за которым отдыхали три курсанта мореходки, бутылку водки с объединяющим названием «На троих». Невзирая на то, что одному из них, судя по удивлённо-вопросительному взгляду, эта часть программы нравилась меньше, наполнил рюмку и передал в ручки седой пеструшки, на удивление охотно принявшей награду.

Та, смакуя водку, как ликёр, под аплодисменты публики принялась уничтожать честно заработанный приз.

– За маму, за папу, за дедушку, за бабушку и за матросов-черноморцев! – реабилитировался перед потерпевшими бродячий скоморох.

Публика весело воспринимала детский народный юмор, по-прежнему теряясь в догадках относительно статуса темпераментного молодого человека.

Вторая загадка: «Висит, качается, на «х» называется», – вызвала переполох в стройных рядах посетителей кафе. Ведущий настойчиво подсказывал «детишкам», что ответ покоится в слове, состоящем из пяти букв, но упрямы шёпотом твердили слово почему-то только из трёх.

Это дало повод рассказать про каверзный случай, происшедший в глубинке Хакасии с выездной группой модной интеллектуальной телевизионной игры «Поле чудес». Конферансье, перед тем как начать повествование, с тем, чтобы зафиксировать на себе взгляды подопечных, хотя в этом не было необходимости, поднял руки.

– Простю внимания, господа! Не отходя от темы, я хочу вам рассказать о комическом случае, происшедшем в Хакасии с выездной бригадой телевизионной игры «Поле чудес», о которой мне поведал мой друг... – он сделал такую монументальную и загадочную паузу, что сим другом должен был быть, как минимум, директор центрального городского кладбища – Ливензон Лазарь Моисеевич, Ален Делон или, на худой конец – Адриано Челентано.

– Леонид Якубович – ведущий. Леонид, как я уже сказал, Якубович даёт задание очередной тройке игроков – угадать слово из трёх букв, коим является монгольский и бурятский двухструнный смычковый музыкальный инструмент. Один, а следом и другой участники выбыли из игры. Защищать честь колхоза «Сорок лет без урожая», а с этим и всей Хакасии, осталась доярка, интеллектуальный уровень которой был ненамного выше, чем у её бурёнок. К этому моменту была перебрана почти половина алфавита. Участница угадала две буквы из трёх, в сочетании которых получался звук «ху». Нужно было угадать последнюю.

Жульдя-Бандя с таким азартом и темпераментом, в мельчайших деталях, рассказывал эту невыдуманную историю, что создавалось впечатление, что он если и не был в составе выездной бригады «Поля чудес», то, во всяком случае, в качестве зрителя присутствовал.

Он обвёл питомцев победоносным взором, читая на их лицах нетерпеливое ожидание развязки, в которой уже вполне вырисовывался финал.

– Якубович предложил назвать слово, напомнив, что это бурятский национальный музыкальный инструмент. Видя замешательство на лице труженицы, попёр, как на буфет, в безуспешной попытке получить искомое. «Ну же, ну!» – наседали они, сбивая с панталыку оторопевшую доярку.

Конферансье сделал ненавязчивую предфинальную паузу, двусмысленной улыбкой обнимая ни в чём не повинных посетителей кафе на пляже «Аркадия».

– Женщина, вся в смутении, стыдливо пряча глаза, будто её только что лишили девственности... – артист стыдливо спрятал глаза, будто девственности только что лишили его, – громко выдохнула требуемое слово, добавив к угаданному сочетанию букву «й».

– Шо там было – как ты спасся?! – конферансье всплеснул руками. – Истерический хохот четверть часа сотрясал стены сельского культурного центра. Якубович, дождавшись, пока эмоции перестанут возобладать над разумом, сообщил, что бурятский смычковый двухструнный музыкальный инструмент – это нечто иное и не имеет ничего общего с вариантом, предложенным не лишённой чувства юмора колхозницей. Он назвал слово, наделавшее столько переполоха в забытой Богом хакасской глубинке. Звучит оно просто – «хур»...

Дамы и господа, я прошу прощения за несанкционированное отступление от темы! – конферансье, как всякий просящий прощения или милостыню гражданин, «взбрызнул» лицо лёгким минорным оттенком. – Загадка третья: всё из того же детского политического еженедельника «Мурзилка».

Жульдя-Бандя, в артистическом экстазе, совсем позабыл о том, что вторая загадка так и не была разгадана «детишками», поскольку предложенные версии несколько отличались от ответов в «Мурзилке».

– У какого молодца, – он сделал хитрую паузу, присовокупив к ней улыбку, полную загадочности и неожиданности, – бурно капает с конца?

Ответы сыпались, как горох, однако правильного, по крайней мере, того, который знает всякий мало-мальски развитый ребёнок, не было. В компании молодых людей за сдвинутыми столиками поднялась девица, которой было уже весело, и ткнула пальцем в темечко сидящего рядом кавалера, степень опьянения которого средней назвать было бы нескромным.

Девица, улыбнувшись, окинула взглядом посетителей, ожидая реакции на свою пронзительную шутку, и захохотала так искренне, что равнодушных, включая и потерпевшего, в кафе не осталось. Конферансье тоже поддавался на провокацию, но вовремя спохватился, упрекнув себя в излишней эмоциональности.

Тут обвиняемый, посчитав приговор для себя чрезмерно суровым, громко объявил:

– Брехня! У меня с конца пока ещё не капает!

– Закапает! – торжественно пообещала подружка и, уличив себя в остроумии, вновь обрушила в пространство свой неудержимый одесский темперамент.

Правильный ответ на этот раз всё же был найден. Малыш лет пяти, наряженный в матросскую форму, пропищал:

– Дядя, это самосвал!

– Молодец, моряк! – похвалил дядя. Он одарил малыша яблоком и апельсином, изъятими со столика рядом с пустовавшей эстрадой, а мамаше отправил взгляд, в котором прочитывалось, что его кроткая философская натура, поступившись принципами, готова отдать ей себя на растерзание.

Родительница морячка абсолютно правильно уловила интонацию бессловесного предложения и встречным взглядом пожурила похотливого молодого человека, к чему недоставало лишь погрозить пальчиком.

Жульдя-Бандя в очередной раз осмотрел доверчивых «детишек», попавших в объятия его безудержного темперамента. Три года актёрского отделения Щукинки не прошли даром. Со Щукинки, правда, его с треском выперли за то, что подкинул в карман пиджака преподавателю актёрского мастерства фотографию Мэрилин Монро, устроив грандиозный семейный скандал, учинённый ревнивой супругой.

Молодой дебютант-эстражник был доволен собой. Все на импровизированном «утреннике», включая персонал кафе, находились под гипнотическим воздействием его неуёмного темперамента.

«Ты – великий артист! – позабыв о скромности, буйствовала творческая душа великого пройдохи. – Однако нет сюжетной линии. Нет изюминки. Все эти загадки, анекдотики, сказочки... Всё это слишком мелко для великого мастера оригинального жанра. Всё это неубедительно. Низкосортный товар, творческий ливер!» – впервые в жизни он нашёл в себе смелость для самокритики.

Жульдя-Бандя, истязая извилины, неистово пытался придумать что-нибудь этакое. Умилительным взглядом обведя публику, как всякий артист – осточертевших поклонников, остановился на толстяке. Стал прокручивать сюжет, но ничего, кроме колбасного фарша, не выходило.

Глава 13. Постановка инсценированного спектакля «Никто не хотел умирать»

Тут его взгляд остановился на троллейбусной остановке метрах в тридцати от кафе. По ней в одиночестве прохаживался невысокого роста пролетарий в выцветшей тельняшке, с авоськой в руках. Пролетарий не вдохновлял, и из него даже фарша не получалось, разве что – суповой набор. В этот момент возмутитель спокойствия увидел вдалеке приближающийся троллейбус.

Идея – дерзкая и феноменальная, ворвалась в душу артиста, отразив в ней сюжет, который, при благополучном стечении обстоятельств, мог вызвать фурор среди подопечных. Иное, однако, развитие событий не исключало позора, когда ему пришлось бы уйти по-английски – не попрощавшись.

«Сейчас я устрою небольшой инсценированный спектакль! – утробно ревел артист, с трудом сдерживая ураган эмоций, пытающихся обрушиться на плечи благодарных потребителей его неумного темперамента. – Актёры – по ходу пьесы! Декорации – естественные! Сценарист, режиссёр-постановщик, директор и даже слова автора – всё это в одном лице, в лице великого мастера словесной импровизации, то есть – в моём, – вновь возопила душа неугомонного гастролёра. – Возможно, придётся совмещать ещё и должность кассира», – с ужасом заметила она.

Мысли его на мгновение унеслись куда-то в пространство, но, не утруждаясь бесплодным витанием в облаках, вернулись на побережье, в кафе на пляже «Аркадия».

«Это первый спектакль в истории человечества, – замахнулась душа на всю историю цивилизации, – когда оплата будет производиться после просмотра! Вход свободный! Цены ниже рыночных! Я разрушу веками сложившиеся стереотипы в драматургии! Альтернативы не будет! Сия постановка – революция в театральной деятельности, первый шаг к демократии в культуре! Долой бюрократию с театральных подмостков! Долой цензуру и критику!» – не на шутку разошлась душа артиста, одновременно потешая «детешек» очередной байкой про гаишников.

«Театр – народу! – скандировала она. – Сегодня – художественная самодеятельность, завтра – профессиональные трупы!» – душа под влиянием рождённой от непорочного зачатия метафоры хихикнула, отразившись на губах артиста. Добродушная неотразимая улыбка вновь была подарена похотливой публике.

Меж тем артист, уподобившись самому Господу, с подъятыми вверх перстами, с прискорбием возглашал:

– Дорогие узники социализма! Братья и сёстры! Товарищи православные!

Отнесённые к товарищам православные, охотно признавшие в себе узников социализма, глупо улыбались, не ведая о том, что на долгие годы им предстоит стать узниками диктатуры, когда, прежде чем открыть рот, необходимо будет получить на это санкцию от своих узурпаторов.

– Станишники, друзья! – продолжал Жульдя-Бандя. – Сейчас театр юного зрителя представит на ваш ссут... – он намеренно выделил двойное «с» и, сделав вид, что не понимает причины смеха, продолжал, – драматическую трагикомедию в трёх, а возможно, и в четырёх действиях, под названием «Никто не хотел умирать».

Действующие лица и исполнители: водитель троллейбуса – инициалы уточняются. Прохожий – прохожий, как говорится, он и в Африке прохожий. Текст автора – Сухово-Кобылин-младший, – Жульдя-Бандя обозначил себя рукой. – Жорж Брониславович. Можно просто – Жорик. И, наконец, главное действующее лицо, – на этот раз он ткнул указательным паль-

цем в солнечное сплетение, для пушей важности, по-унтерофицерски, слегка склонив, вскинул голову, – ваш покорный слуга.

Итак, действие происходит на берегу самого чёрного в мире моря, – артист, дабы убедить в этом сомневающихся, распростёр объятия в сторону огромной, до самой Турции, лужи. – Издалека слышен грохот приближающегося обоза.

Жульдя-Бандя сопроводил сказанное движением руки, теперь уже указывая на движущийся к месту события и предстоящей драмы неодушевлённый предмет, начинающий принимать ясные очертания троллейбуса.

Мужичок в выгоревшей тельняшке, в бескозырке с оторванной ленточкой и солдатских сапогах с полуобрезанными голенищами, коему, по коварному замыслу артиста, предстояло стать одним из главных героев трагикомедии «Никто не хотел умирать», ничего не подозревая, миролюбиво болтал авоськой. Он болтал авоськой, как болтал бы всякий, дожидаящийся троллейбуса, как, впрочем, и автобуса, трамвая или жены из отдела кожгалантереи супермаркета.

Жульдя-Бандя, перекрестив указательным пальцем рот, с тем чтобы придать интригующей загадочности предстоящей драме, громким шёпотом возвестил:

– Это присказка велася, вот и сказка началась (П. Ершов).

Палец угрожающе вознёсся вверх, с тем, чтобы никто не посмел помешать течению сюжетной линии.

Конферансье подошёл к ничего не подозревавшему толстяку. Наполнил рюмку его же коньяком. Чокнувшись с гладким глянцевым лбом, залпом выпил содержимое, демонстративно занюхав «языком» голубого в косую белую полоску галстука потерпевшего.

«Детишки» позволили себе рассмеяться, но приближение троллейбуса ограничивало время на веселье, поскольку сценарий, как музыкальная партитура, был распisan по секундам.

Артист продолжал:

– У старинушки три сына. Старший – умный был детина (П. Ершов), – он с материнской нежностью погладил блестящую лысину толстяка, с отвращением мачехи поцеловав в темечко. Слово детина удачно гармонировало с его комплекцией, что вызвало смех присутствующих.

Затейник подошёл к юноше, внешность которого располагала к цитате – «первый парень на деревне».

– Средний сын – и так и сяк, – он сделал равнодушное, как у дежурного по вокзалу лицо, опустил руки, разведя в сторону, как еврей, отчаявшийся вдолбить непутёвому отроку таблицу приумножения.

Затем Жульдя-Бандя изобразил нечто, претендующее на пируэт. Вскинул руки в направлении ничего не подозревающего, мирно прохаживающегося по остановке с авоськой в руках отставного морского волка.

Все дружно вперились в покорителя морей и океанов, теряясь в догадках: актёр это или жертва коварного розыгрыша?

– И всё несчастный тосковал, бродя по берегам Дуная (А. Пушкин)! – щедро перепеленал прозу в поэтическое покрывало артист. – Гудбай, май лав, гудбай.

Жульдя-Бандя, сделав питомцам гучкой, зайцем сиганул за ограждение, оставив на лицах симпатизирующих ему «малышей» немой вопрос и удивление по поводу его внезапного исчезновения. Тем временем механическая «утятница», замедляя ход, приблизилась к конечной остановке, с которой, собственно, начинался маршрут.

Троллейбус остановился. Водитель, уставший от осточертевших пассажиров, закурил, пуская дым в открытое боковое окошко.

Артист обошёл троллейбус со стороны водителя. По-хозяйски, уверенным движением натянул на себя вожжи, обесточив транспорт. Держа в руках поводья, махнул рукой отставному мореману, у задней двери ожидавшему посадки.

Мужичок, не сомневаясь нисколько в том, что перед ним водитель троллейбуса, безропотно и даже с желанием взялся помочь, обрадовавшись случаю принести пользу общественному транспорту в целом и троллейбусному в частности. Он, гремя бутылками, покорно затрусил на помощь и со знанием дела перехватил вожжи, чрезмерно гордясь своей востребованностью.

Лже-водитель, дав указание – держать до тех пор, пока не будет устранена течь в радиаторе, отсутствующем, к слову сказать, на троллейбусе, деловито стукнув рукой по запасному баллону, так же загадочно исчез, как и появился.

Он нашёл питомцев веселыми, заворожёнными и азартными, в ожидании многообещающей развязки. В это время водитель троллейбуса, согласно незыблемому и нерушимому графику движения, попытался тронуться, на что машина ответила категорическим отказом.

Он щёлкнул пальцем по безмолвному щитку приборов и, посчитав, что причиной этому – обрыв на линии, принялся перелистывать новомодный «Плейбой», который контрабандно доставляли в Одессу туристические теплоходы из-за границы.

Жульдя-Бандя продолжил очередной, второй акт спектакля «Никто не хотел умирать». Он жестом сконцентрировал внимание «детешек» на черноморце-любителе, как красное знамя, охраняющем вверенные ему вожжи:

– Всегда восторженный герой готов был жертвовать собой (А. Пушкин)!

В кафе почувствовалось оживление, поскольку продолжение сюжета вырисовывалось, даже у посетителей с низким уровнем воображения.

Водитель же, перелистывая странички эротического журнала, обнаружил, что навстречу движется троллейбус. Это исключало аварию на линии. Заподозрив в этом признаки диверсии, он решил обойти своего кормильца.

Наблюдая за тем, как шофёр вышел из машины, артист изобразил крадущегося по чужому саду вора, делая осторожные, словно по засохшей навозной жиже, шаги.

– Нетерпеливо он идёт, куда зловещий след ведёт (А. Пушкин)! – прокомментировал он.

Водитель троллейбуса, увидев мужичка, на руки которого были намотаны вожжи, оторопел, как оторопел бы внезапно вернувшийся из командировки муж, заставший любовника своей благоверной в собственной «усыпальнице».

Тот оторопел в большей степени от того, что quasi-моряк как ни в чём не бывало, с проникновением воркующего кенара насвистывал: «Это было в городе Одесса, много там блатных и фраеров...»

Единственным желанием шофера на тот момент было задушить вредителя свисающим концом вожжей. Он взорвался, как Везувий, обрушив все свои знания русского народного на голову без вины виноватого гражданина.

– Царь со гневом закричал и ногами застучал (П. Ершов)! – уверенно поспедал за событиями артист.

Водитель троллейбуса же, будто не желая отступления от прозвучавшего комментария, затопал ногами, помогая при этом верхними конечностями.

Смех взрывной волной вырвался за пределы летнего кафе.

– Не вынесла душа шофёра позора мелочных обид (М. Лермонтов)! – Жульдя-Бандя изобразил мелочную обиду, хотя на лице водителя отчётливо вырисовывалась обида, которую назвать мелочной было бы крайне невежливо.

Жестикулируя руками, он безжалостно сотрясал воздух отборным матом, выражая презрение к матросам как военного, так и гражданского флота.

– И вдруг с отчаянной тоской потряс он в воздухе рукой (Д. Байрон), – продолжал свой режиссёрский дебют заезжий арлекин, с не меньшим отчаянием и злобой сотрясая, для эффекта, обеими руками. – Но гневаться напрасно он изволит (И. Крылов)! – он отрицательно потикал вооружённой указательным пальцем правой рукой.

«Детишки», разрываясь на части, выхватывали самое интересное по обе стороны импровизированной сцены, предпочитая всё же троллейбусную остановку, где события были более скоротечными, красочными, интригующими и завораживающими.

Любопытная бойкая старуха, пожелавшая стать первой живой свидетельницей переговоров на низшем уровне, проворно выпрыгнула из троллейбуса, дав повод к рождению очередной поэтической строфы:

– На встречу бедного певца спрыгнула Оленька с крыльца (А. Пушкин).

К месту происшествия, в чём не было ничего удивительного, стали стягиваться ротозей и простые граждане, жаждущие хлеба и зрелищ.

Оленька, с тем чтобы выступить в качестве генерального свидетеля, приблизилась на расстояние, ближе которого находиться было уже небезопасно.

Артист же, как хамелеон, ловко маневрируя эмоциями, старался отобразить происходящее на троллейбусной остановке. Лицо его: то улыбалось, то смеялось, то злилось, то было грустным, то очень грустным, то безнадежно грустным.

А тем временем – незаслуженно униженный и оскорблённый отставной покоритель морей и океанов оправился и нанёс контрудар в виде лёгкого морального ранения. Он выразил личное презрение водителям всего общественного городского транспорта и троллейбусного в частности, обозвав их «мудаками солёными».

Водитель троллейбуса с этим был категорически не согласен хотя бы потому, что прилагательное в большей степени подходило к представителям морской профессии, о чём он в доступной форме пытался разъяснить.

– В долгом времени аль вскоре приключилось ему горе (П. Ершов)! – предвосхитил события массовик-затейник, хотя в том, что горя не избежать, не сомневались даже самые отъявленные оптимисты.

Словарный запас противоборствующих сторон быстро иссяк, к тому же моральные увечья не возымели должного эффекта. Противники стали попеременно хлопать друг дружку ладонями по плечам. Диалог, в котором дипломатические формы общения были напрочь истреблены, переходил в поединок.

Бой без правил обещал быть многораундовым. Появились первые сочувствующие, в основной своей массе «болеющие» за своих, то есть – за моряков-черноморцев.

– При свете трепетном луны сразились витязи жестоко (А. Пушкин)! – слегка приврал артист, поскольку трепетный свет луны заменяли, пожалуй, не менее трепетные лучи солнца.

Бесконечное стучание по плечам и предплечьям выявить победителя турнира не могло, и оказавшийся не робкого десятка отставной мореман, в попытке деморализовать противника, ухватил его за пышную шевелюру.

– Схватив врага за мягкие волосы, он сзади гнёт могучею рукою (А. Пушкин)! – Жульдя-Бандя артистично продублировал действия морского волка. В это время шофёр, вывернувшись, нанёс удар в грудь сопернику:

– Не согласился ни один на землю бросить карабин (Д. Байрон)!

Мореман, отброшенный мощным ударом, в мгновение оправился и со злостью, с коей ревнивый муж кидается на любовника жены, ринулся в атаку.

– Нет, не пошла Москва моя к нему с повинной головою (А. Пушкин)! – артист сопроводил сие, тикая рукою.

Морской волк, понимая, что без хитрости одолеть водителя троллейбуса не удастся, изловчившись, ударом головы в пах сбил его с ног. Тот отлетел метра на два. Схватившись от боли за живот, простонал:

– Сука!

Жульдя-Бандя голосом, полным отчаяния, трагизма и сочувствия, запел:

– И боец мо-ло-дой вдруг поник го-ло-вой – комсомольское сердце пробито (А. Александров, Н. Кооль)!

Жульдя-Бандя, обнаружив на слезницах толстяка стеклянную наволочь, подошёл к нему, сочувственно наклонился. Голубым, в косую белую полоску галстуком стал вытирать слёзы на его ожиревших щеках. Потом, обняв по-отечески, молвил, окинув взором похотливую публику:

– Из голубых его очей бежали слёзы как ручей (Д. Байрон)!

Очередная волна смеха, разверзая пространство, прокатилась по восточной части пляжа «Аркадия». Блистательный напор темперамента конференсье обезоружил всех, даже малыша в матросской форме, который смеялся, смотря на свою хохочущую маму.

Некоторые из присутствующих – скромные и стеснительные по жизни, со стороны не узнали бы себя, но сейчас, сбросив вековую паранджу благочестия и приличия, барахтались на стульях, раскрасневшиеся и обмякшие от смеха, пребывая будто в состоянии наркотической эйфории.

Радость от великолепно срежиссированного и поставленного дебютного спектакля переполняла сердце бродячего шарлатана, и он всем, включая, мягко говоря, не очень молодых «девчушек», позволял себя любить.

Происходящие на автобусной остановке, меняющиеся с каждой секундой события требовали постоянной концентрации, с тем, чтобы не нанести урона постановке великой трагикомедии «Никто не хотел умирать».

Артист снова обратил перста на троллейбусную остановку, на которой тело шофёра было «предано земле»:

– И долго пленник молодой лежал в забвении тяжёлом (А. Пушкин)!

Между тем водитель, несколько оправившись от ошеломляющего удара черноморца, стал потихоньку приходить в себя.

– Несчастный тихо поднялся, с трудом обводит слабый взор (А. Пушкин), – конференсье слабым, полным отчаянья и безнадёги взором обвёл питомцев.

Несчастный, действительно поднявшийся с трудом, воспрял духом и с такой неистовой яростью бросился на неприятеля, что тот едва успел привести в действие свою стеклянную «артиллерию».

– Тут вообще началось, не опишешь в словах, и откуда взялось столько силы в руках, – рычал голосом Высоцкого артист.

Морской волк, защищаясь, стал махать авоськой перед самым носом нападавшего, в надежде отразить наступление. Противник, успешно уклоняясь от ударов, всё же пытался прорвать оборону. Мореман тем временем замахнулся авоськой сверху вниз и, влекомый силой инерции, покачнулся вперёд.

Удар пришёлся по железобетонному парапету, на котором тотчас организовалось кровавое пятно. Звон битого стекла был отчётливо слышен в кафе, отчего на стороне моремана оказались воздерживающиеся, поскольку тот перешёл в ранг пострадавших, теперь уже и материально.

– И упали из-под мышек две больших и пять малышей! (В. Высоцкий) – незамедлительно отреагировал конференсье.

Битое стекло в авоське стало грозным оружием в руках взбешённого морского дьявола, и он, размахивая ею, как булавой, ринулся в контрнаступление, погнавшись за обратившимся в бегство противником.

– За ним повсюду всадник медный с тяжёлым топором скакал (А. Пушкин)! – отобразил событие конференсье.

Тут к месту происшествия, истеричным воем сирены сотрясая атмосферу, пришвартовался жёлтый милицейский уазик.

Из машины вывалились трое дюжих молодца. Они повалили наземь вооружённого авоськой с битым стеклом черноморца, поскольку его действия очерняли советскую социалистическую действительность.

– Навалились гурьбой, стали руки вязать, а потом уже все позабавились! (В. Высоцкий)
– продолжал прямую трансляцию артист.

Обезоруженного возмутителя спокойствия зафиксировали наручниками и беспардонно запихнули в узик, куда нырнула Оленька, дабы снять с невиновного чёрное пятно обвинения.

Комментарий не заставил себя ждать:

– И наш герой на много-много дней прощается с Испанией своей (Д. Байрон)!

Жульдя-Бандя взмахом руки вновь обратил взоры «детешек» на попавшего в жернова правосудия моремана, не забыв при этом состроить печальную мину:

– Уселюсь, и возок почтенный, скользя, ползёт за ворота (А. Пушкин).

Помахав рукой в сторону удаляющегося милицейского «возка», запел:

– Любимый город может спать спо-окойно (Е. Долматовский)...

Этим была закрыта последняя страница инсценированного спектакля «Никто не хотел умирать».

За то время, пока «воронок» стоял на светофоре, ситуация, по-видимому, разрешилась, и черноморец, вместе с Оленькой, был отпущен на свободу.

Глава 14. Одного из главных героев инсценированной постановки «Никто не хотел умирать» зрители чествуют как челюскинца

Жульдя-Бандя исчез так же, как и появился: внезапно, стихийно, неожиданно. Он был не вправе позволить уйти в небытие, несомненно, достойному артисту. Торопливой поступью он настиг черноморца, сыгравшего на бис единственную и, возможно, свою последнюю роль в жизни.

Экс-покоритель морей и океанов увидел цветущего, как майская роза, обидчика. От греха подальше, он хотел было свернуть в сторону, но от предложения отметить свой актёрский дебют отказаться не сумел.

Звёздную пару встречали, как челюскинцев. Отставной моряк понял, что стал жертвой розыгрыша. Посетители кафе его дружелюбно похлопывали по плечу, пожимали руку, как космонавту, совершившему беспрецедентный полёт на Луну.

Он, на секунду, сопоставил свои мучения со страданиями Христовыми, и ему стало немного неудобно перед Иисусом. Да и лёгкие ранения в виде царапин тянули разве что на моральные увечья средней степени тяжести.

Не был обделён вниманием и провокатор, устроивший феерическое зрелище на троллейбусной остановке возле пляжа «Аркадия». Его схватили две половозрелые девицы в попытке завладеть интеллектуальной собственностью вместе с прилегающей к ней плотью.

– Девочки, – виновато скрестив на груди руки, вежливо отказался он, – сегодня я не распоряжаюсь своей биографией.

Он вознёс руки в сторону потерпевшего и громко, с ораторским азартом возгласил:

– Дамы и господа! Я хочу представить вам народного артиста СССР... – великий авантюрист что-то шепнул черноморцу на ухо, – Василия Топоркова! – он придал руке моремана восклицательное положение, как рефери – победителю в поединке. – Я предлагаю выдвинуть его кандидатуру на премию «Оскар» в номинации «Актёр года». – Нет, – возразил он себе, – на премию «Лучший актёр двадцатого столетия!»

Демократия восторжествовала. Василий Топорков большинством голосов посетителей кафе был признан лучшим актёром XX столетия, при отсутствии, впрочем, иных кандидатур.

У рождённого на троллейбусной остановке таланта нашёлся восторженный почитатель в лице добродушного толстяка с красными, как у безутешной вдовы, глазами.

– Официант, бутылку коньяка..Нет – две, – окончательно расщедрился он.

Обалдевший от внимания черноморец, взирая на целых две бутылки коньяка, с трудом верил в случившееся. До этого его судьба была небезразлична только участковому инспектору, а вместо коньяка приходилось довольствоваться исключительно самогоном, солнцедаром или портвейном...

Василий залпом махнул рюмку. Закусил бутербродом с чёрной икрой от благодарной соседки с перемазанными тушью веками и покрасневшими, как бурелый помидор, щеками. Мореман возлюбил ближнего своего, коим оказался толстяк, как самого себя, а возможно, даже больше.

Конферансье тем временем изъял у «оскаропросца» бескозырку с оборванными ленточками, напоминающую теперь уже еврейскую кипу. Перевернув её вверх дном, приспособил под жертвенник.

«Всякий труд должен быть оплачен, а тем более труд артиста», – справедливо думал он, начав паломничество между столиками. Для затравки опустил в тубетейку изрядно измятую

пятёрку, «подмолодив» медяками, оставшимися после незабываемой трапезы в орсовской столовой.

Посетители кафе, ставшие свидетелями собственного бессилия перед высшим проявлением эмоционального оргазма, щедро оплачивали премьеру величайшей постановки под названием «Никто не хотел умирать».

Более остальных пожертвовала прожжённая и опытная заведующая кафе, и неспроста: происшедшее на троллейбусной остановке и в кафе на пляже «Аркадия» взбудоражило всю Одессу.

По городу поползли слухи о том, будто группа бременских арлекинов инкогнито гастролирует по Черноморскому побережью, делая набеги на рестораны и закусочные, облюбовав кафе на пляже «Аркадия», куда и повалил народ в ожидании второй серии, делая сумасшедшую прибыль.

Звёздный театральный дуэт, в столь короткий срок пленивший сердца соотечественников, этим же вечером прекратил своё существование.

Друзья, а к тому времени спиртное сблизило их, поделили поровну деньги, за вычетом по иску потерпевшей стороны материальных убытков, связанных с утратой нескольких бутылок портвейна, и разошлись в разные стороны.

Черноморец, к слову сказать, сделал несмелую попытку получить компенсацию за моральные увечья, но на тот момент сия статья отсутствовала в Святом Писании и в возмещении морального вреда, на полном основании, было отказано.

Жульдя-Бандя напомнил потерпевшему о том, что до потерпения его узнавали только бродячие собаки, а нынче знает вся Одесса, с чем трудно было не согласиться.

Глава 15. Гостиница «Аркадия» вдохнула возмутителя спокойствия в кафе на одноимённом пляже

– Сто пятьдесят четыре рубля ноль-ноль копеек, – выбросив в траву несколько неконвертируемых медяков, подсчитал стоимость своего интеллекта Жульдя-Бандя. – Не густо: месячный заработок простого инженера.

Ему стало немного жалко себя. На простого инженера жалости уже не оставалось.

– Скромные дивиденды великому труженику оригинального жанра, – пряча в карман брюк заработанные в опасной сделке с суровой действительностью деньги, констатировал он. – Жалкая подачка гиганту мысли – молочному внуку легендарного авантюриста О. Бендера, – замахнулся на родство с великим комбинатором Жульдя– Бандя.

– Ха-ха! Это же знамение! Ведь Остап Ибрагимович Бендер рождён неугомонным еврейским дуэтом здесь, в Одессе. А где гарантия, что зачатие легендарного Остапа не проходило в кафе на пляже «Аркадия»?! Гарантии никакой. Гарантировать может страховая компания, а констатировать – патологоанатом, – странствующий оболтус улыбнулся от столь грандиозной, пожалуй, не лишённой смысла гипотезы...

Молодой человек, обременённый собственным остроумием, шествовал по ночной Одессе, разглядывая объятые радужным неонов витрины магазинов. Гостиница «Аркадия», неподалёку от одноимённого пляжа, зазывала постояльцев голубым неонов, многообещая, как и всякая блудливая реклама, домашний уют, комфорт и доступные цены.

Последнее заинтриговало нашего героя, и он направил стопы в гостиницу, в коей табличку «Мест нет», долгое время служившую девизом для благоустроенных прибрежищ иногородним гражданам, сменила более демократичная – «Добро пожаловать».

– Вам какой номер? – сухо и озлобленно спросила администраторша, вооружая глаза очками в позолоченной оправе. Она озлобилась сразу же после того, как табличку «Мест нет» сменили на демократичную и свободолобивую «Добро пожаловать».

Виски служительницы заезжего дома запорошила траурная седина, предвестница старости, пессимизма и скорого свидания со смертью.

– С видами на бушующее море. Я свободный художник! – молодой человек отобразил на лице высшую степень свободы и независимости, затем, переменяв свободолобие на таинственность, огляделся и шепнул на ушко. – Только попрошу – об этом никому ни слова. Об этом, кроме меня, никто не знает.

– Я буду молчать, как статуя Свободы! – торжественно пообещала администраторша и, улыбаясь, спросила: – Так тебе одноместный, двухместный или трёхместный?!

– А какой дешевле?!

– Трёхместный, с подселением.

– Тогда трёхместный, с подселением. С детства ненавижу одиночества, – пожелал практичный постоялец, мысленно оплакивая тощий бюджет. – Хотя можно и двухместный. Но только женщин попрошу не подселять, во всяком случае, старше сорока годов, я слабохарактерный. И лиц кавказской национальности тоже. Я дорожу своей репутацией.

Администраторша повеселела:

– Будешь плохо себя вести – подселю армянина!

– А вот этого делать не надо! – постоялец предупредительно потикал пальцем. – Это попахивает антисемитизмом...

– Заполний анкету, слабохарактерный, – вручив бланк, оборвала женщина.

– Фамилия, вымя, отчество, дата рождения, – прочитал вслух Жульдя-Бандя, тотчас прояснив: – Меня что, будут поздравлять с днём рождения?!

– Щас, побежала заказывать торт со свечами.

– Можно без свечей, – сжалился постоялец.

– Национальность?.. – он отправил знак вопроса в непорочный взор администраторши. –

После 300-летней сэкспасии монголо-татарским игом Руси, категоричность в этом вопросе была бы крайне неосмотрительна.

Администраторша хихикнула, по-видимому, относительно сэкспансии:

– Заполняй, умник, а в графе национальность можешь написать татарин... или монгол...

В номере Жульдя-Бандя, безжалостно транжиря воду, произвёл омовение в душе. Распластавшись на белой хрустящей простыне, стал мысленно прокручивать события прошедшего дня. Он был доволен собой. Он был доволен гостеприимством Одессы и, в меньшей степени, одесских женщин в лице обладательницы «сочных и мягких булочек».

Буйная фантазия неугомонного авантюриста не желала мириться с тихим и мерным течением умирающей империи, ещё не успевшей влиться в бурные демократические воды анархии, бардака, хаоса, коррупции.

Глава 16. Зародившаяся идея не оставляет в покое буйную натуру бродячего авантюриста

Эйфория массового публичного оздоровления, прокатившаяся по стране, не оставляла в покое неудержимую натуру странствующего шарлатана. Жульдя-Бандя стал вынашивать план, в котором благодарные соотечественники станут менять свои ассигнации на его интеллект.

Он лежал на белоснежной простыне, свободолобиво раскинув руки, как лежит добропорядочный налогоплательщик, необременённый кредитами гражданин или любящий муж, изменивший своей благоверной не более двух-трёх десятков раз.

Он представил себя на сцене огромного зала, в чёрном фраке, в объятиях взглядов страждущих и жаждущих исцеления. Потом пришёл к мнению, что траурный цвет может навести на мысль об исцелении нетрадиционным способом, и с лёгкостью передел себя в белый. Слишком вульгарно и аристократично. Облачился в восточный султан. Это хоть и не излечивало, но вносило определённую степень загадочности, таинственности и мудрости. Тут же стал вопрос об аудитории.

Излечивать старух – дело безнадёжное и бесперспективное. К тому же старухи патологически любят болеть и с удовольствием болеют до девяноста лет. Здоровая старуха чувствует себя ущербной, и она торжественно умирает, не в силах сносить завистливых взглядов болящих соотечественниц.

Мечтатель заполнил зал симпатичными, разодетыми в весёленькие тона девицами, но счёл их одеяния слишком вызывающими. Безжалостно раздел их, но обнажённые молодые женщины мало походили на болящих и наводили на нескромные мысли. Он облачил всех в школьную коричневую форму с белыми фартучками поверх. Начал процесс массового оздоровления, но остался неудовлетворённым.

Оздоровлять молодых женщин экспресс-методом было большим хамством. Он нарисовал в уме стройную симпатичную блондинку, наделил внушительной грудью, всё-таки раздел её, определил на кушетку, прямо в центре зала, и стал массировать нежную податливую кожу.

Тут, на самом интересном, пелена застлала разум. Сон пленил сознание, заодно завладев и плотью. Блондинка растворилась, как белый дым. Ей на смену явился черноморец в форме налогового инспектора, который сотрясал его за грудки, требуя уплаты налога с собранного давеча в кафе на пляже «Аркадия» гонорара...

Утром, восстав ото сна, Жульдя-Бандя, обременённый зародившейся идеей, достал из дипломата из крокодиловой кожи корочку, удостоверяющую его как экстрасенса. Прочитал с незначительной корректировкой: «Московский международный центр по подготовке шарлатанов». Определил её обратно в дипломат. «На начальном этапе, однако, потребуется незначительное финансирование проекта, хотя, – ободрил он себя, – первые пожертвования от сердобольных граждан и гражданок уже начали поступать на текущий счёт народного целителя».

Жульдя-Бандя улыбнулся. Он был в прекрасном настроении, что соответствовало и настроению Всевышнего, ниспославшего на грешную землю чистое, с лёгкой проседью облаков небо. Солнце уронило сквозь расщелину штор косую золотистую полосу, взорвавшуюся на левой створке трельяжа брызгами огненного света.

– Ах, Одесса, жемчужина у моря, – мурлыкая, совершал утренний моцион её неудержимый гость...

Он спустился в буфет. Сочная конопатая девица премило и, казалось, с лёгким намёком улыбалась: рассчитывать на чаевые с холодным равнодушным взглядом не приходится. Молодой человек посмотрел на прейскурант, затем на королеву забегаловки:

– Для виду преysкyрант висит и тщетный дразнит аппетит (А. Пушкин). А у вас цены ниже рыночных?

– Намного, – буфетчица устремила взор в искристые голубые очи посетителя:

– Что желаете?

– Всё, – признался он, хитро улыбаясь.

Молодой человек ублаготворил желудок бутербродами с нарезками из осетрового балыка. Запил бутылочкой «Жигулёвского». Углекислота приятно щекотала гортань. Уходя, незаслуженно осыпал конопатую буфетчицу лёгким дождичком комплиментов. Та криво улыбалась, потому что лёгкий дождичек чаевых ей импонировал больше.

Ранний посетитель выплеснул своё тело на улицу, отчётливо сознавая, что статус бродячего философа несовместим с оседлой жизнью.

Глава 17. Жульдя-Бандя в каменных джунглях легендарной Одессы

На клумбах пели цветы. Им вторили весёлые беспечные воробьи: вскормленные на «вискасах» городские коты, в отличие от вечно голодных и озлобленных деревенских, не проявляли к ним ни малейшего интереса.

Душа странствующего ловеласа плясала. Мажорную тональность нарушилдвигающийся навстречу троллейбус пятого маршрута, на водительском кресле которого восседал один из участников побоища на остановке возле пляжа «Аркадия». Тот был занят маршрутом. К счастью, он не знал в лицо своего обидчика, иначе – второй части спектакля «Никто не хотел умирать» – было бы не избежать.

Прекрасное настроение преследовало нашего героя. Он улыбнулся, вспомнив, как рыжая девица, в компании за сдвинутыми столиками, вызвала Херсоном смех у его питомцев.

«Стоп! – остановил он себя. – А почему бы мне не устроить целительный спектакль в Херсоне?! Чем, предположим, Херсон хуже Серпухова? Или в Херсоне меньше жаждущих исцеления?!»

Несомненно, в Одессе их больше, но Одесса – город-герой, и он не имел морального права топтать своими грязными лапами героическое прошлое черноморского портового города. К тому же Жульдя-Бандя, как и всякий провинциал, не любил суеты мегаполисов.

«Начнём с Херсона!» – окончательно решил странствующий махинатор, к тому же, Херсон, ничего плохого ему не сделал.

Воодушевлённый предстоящими грандиозными событиями, связанными с сеансами массового оздоровления херсонцев, а Херсон – это не забытый Богом Серпухов, наш герой принялся насвистывать Марсельезу, через зубы, низким тембром, что более походило на шипение кобры.

«Стоп! – снова остановил он себя, продолжая, вместе с тем, топтать грешную землю. – Странствующий философ не имеет морального права отказать знаменитому на весь мир «Привозу» в аудиенции. Вперёд, на «Привоз»!»

Он не сумел не затронуть шествующую с ним в одном направлении студентку, которая вполне могла оказаться и не студенткой вовсе, а обыкновенной проституткой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.